H15—
171.
автогр.

H15 171

Максимъ Ковалевскій.

(Къ годовщинѣ смерти).

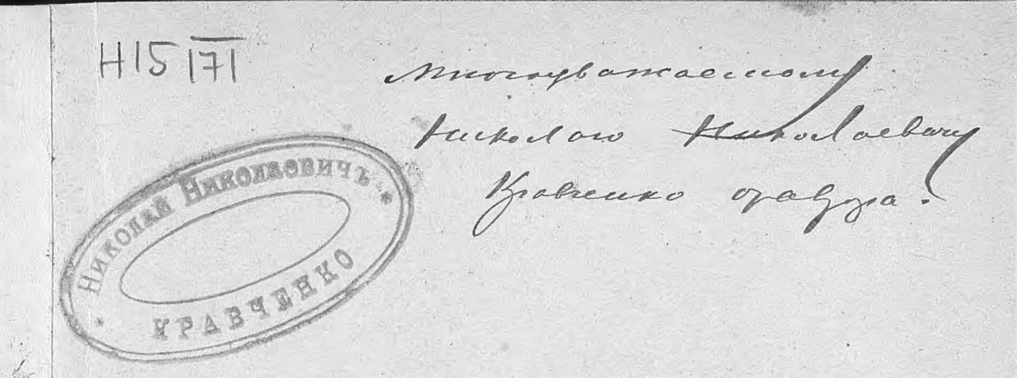
1851–1916.

Ар. Фатѣева.

32/6

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло", Конторская, Клещевскій пер., 3.
1917.

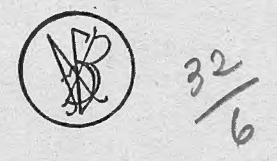

Максимъ Ковалевскій.

(Къ годовщинѣ смерти).

1851–1916.

Ар. Фатѣева.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскій пер., 3.
1917.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1232004

I.

Жизнь М. М. Ковалевскаго въ ея различные періоды.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ некрологовъ, наиболѣе обстоятельномъ, посвященномъ памяти М. М. Ковалевскаго, говорится: „его жизнь была столь интересна и поучительна, а дѣятельность столь исключительно сложна, многостороння и плодотворна, что имя его несомнѣнно должно принадлежать исторіи. Поэтому полная его біографія и характеристика совершеннаго имъ жизненнаго дѣла должна быть предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, которое кѣмъ нибудь, вѣроятно, и будетъ съ теченіемъ времени исполнено“ [1]). Наша задача несравненно скромнѣе: сообщить нѣкоторыя розысканныя нами данныя о предкахъ М. М. Ковалевскаго, о средѣ и вліяніяхъ на него въ первые сознательные годы жизни и то немногое о дальнѣйшей,—преимущественно ученой,—подготовкѣ и дѣятельности, что является, съ нашей стороны, исполненіемъ долга къ памяти покойнаго. Ему мы обязаны научнымъ вліяніемъ и съ приз-

---

[1]) М. М. Ковалевскій (Некрологъ). Статья проф. И. А. Ивановскаго. Ж. М. Н. пр. № 12, декабрь 1916 годъ.

нательностью вспоминаемъ о личныхъ бесѣдахъ. Кромѣ того, мы хотѣли бы сохранить для будущаго біографическаго изслѣдованія факты, извѣстные намъ и отъ людей [1]), на глазахъ которыхъ прошла молодость и жизнь ученаго. Развѣ не бываетъ, что, къ началу работы біографа, многихъ свѣдѣній уже не хватаетъ: они распылились. Время не ждетъ и неустанно совершаетъ дѣло забвенія. Правда, такое хроническое разрушеніе не происходитъ безъ борьбы. Функцію противодѣйствія забвенію исполняетъ соціальная память. Главнымъ образомъ -- наиболѣе совершенная и организованная ея форма — наука. Наступитъ пора, когда біографіи выдающихся людей, въ связи съ успѣхами біологіи, экспериментальной психологіи и соціологіи, будутъ относиться къ современнымъ эпизодическимъ жизнеописаніямъ, примѣрно, такъ, какъ прежнія лѣтописи къ современной обработкѣ историческаго матеріала. Развѣ всеобщая исторія не есть біографія всего человѣческаго рода? Развѣ вся наука даннаго поколѣнія не есть какъ бы заключительный для него моментъ предшествующей многотысячелѣтней исторіи обученія всего человѣческаго рода? Чѣмъ больше сдѣлано кѣмъ либо для человѣческой культуры, тѣмъ менѣе онъ нуждается въ запоздалой похвалѣ: laudabuntur ubi non sunt, cruciantur ubi sunt. Требуется лишь разъясненіе дѣла его жизни, его „magnum opus“. Что касается

[1]) Здѣсь мы должны принести благодарность родственницѣ М. М. Ковалевскаго Н. Н. Риттеръ, урожденной Абаза.

М. М. Ковалевскаго, то позитивистическое направленіе всю жизнь стремило его къ объективному изученію явленій, къ изслѣдованію закономѣрной связи между ними.

Трудовая жизнь подавляющаго большинства людей нашего времени характерна своимъ раздвоеніемъ. Одна половина ея наполнена трудомъ поневолѣ, какъ бы онъ ни назывался и съ какою цѣлью ни производился. Содержаніе второй составляетъ трудъ по влеченію, трудъ, такъ называемаго „свободнаго времени“, и потому, если хотите, свободный трудъ, (не говоря, конечно, о технической подготовкѣ къ нему). У рѣдкихъ людей жизнь проходитъ лишь въ немъ одномъ Къ числу такихъ избранниковъ судьбы относится М. М. Ковалевскій. Онъ работалъ при чрезвычайно благопріятныхъ личныхъ внѣшнихъ условіяхъ. Значительныя матеріальныя средства, доставшіяся отъ отца, все же казались меньше его личныхъ громадныхъ умственныхъ средствъ. Послѣднія, повидимому, не знали ни устали, ни старческой немощи. Глядя со стороны, эта жизнь, казалось, прошла радостно, точно праздникъ любимаго труда. Ее даже какъ бы не омрачили, обычныя для нѣкоторыхъ ученыхъ, злоключенія, не миновавшія и Ковалевскаго. Творчески дѣятельная, кипучая и необыкновенно разностороняя, біографически она располагается все расширяющимися концентрическими кругами. Периферіи ихъ легко различимы. Началась она „въ городѣ, отрѣзанномъ отъ сообщенія съ міромъ самымъ отсутствіемъ желѣзной

дороги“ [1]). Свободное образованіе, полученное М. М. Ковалевскимъ дома, неизмѣримо отличалось отъ „провинціальнаго домашняго образованія“. Съ пятаго класса М. М. встрѣтила сѣрая, по его впечатлѣніямъ, гимназическая наука. За нею наступилъ плодотворный періодъ пребыванія въ харьковскомъ университетѣ, обновленномъ уставомъ 1863 года. Университетъ рѣшилъ судьбу всей остальной жизни. Здѣсь произошла встрѣча съ талантливымъ учителемъ; его вліяніе оказалось могущественнымъ. „Не было бы Каченовскаго — не было бы Ковалевскаго“ — такъ не разъ оцѣнивалъ впослѣдствіи эту встрѣчу самъ М. М. Послѣ смерти профессора Каченовскаго начинается заграничная подготовка къ профессурѣ. По отзывамъ учениковъ и товарищей, преподаваніе Ковалевскаго въ московскомъ университетѣ, гдѣ онъ получилъ профессуру, возвратившись въ Россію, памятно просвѣтительнымъ блескомъ. „Третій пунктъ“, примѣненный къ молодому профессору министромъ просвѣщенія Деляновымъ, прекратилъ профессорскую дѣятель ность. Наступаетъ новый заграничный періодъ жизни: Ковалевскій достигаетъ всемірной извѣстности. Изъ круга его дѣятельности остается вырѣзаннымъ одинъ сегментъ—родина. 1905 годъ включаетъ и ее. Здѣсь, первое лекторское слово

---

[1]) Максимъ Ковалевскій. Д. И. Каченовскій. Характеристика Д. И. Каченовскаго въ связи съ личными о немъ воспоминаніями. Сборникъ „Памяти Каченовскаго. Характеристики и воспоминанія В. А. Ястржембскаго, Максима Ковалевскаго, А. Н. Фатѣева, Н. Ф. Сумцова, Л. Л. Гиршмана, А. П. Шимкова. Харьковъ 1905 г.

раздается въ стѣнахъ родного харьковскаго университета. Онъ сдѣлалъ докладъ 11 сентября 1905 г. въ юридическомъ обществѣ, состоящемъ при университетѣ. Тема доклада можетъ считаться заглавіемъ послѣдняго періода жизни государствовѣда. Рѣчь шла о будущемъ русскомъ законодательномъ учрежденіи. Актовый залъ университета не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ. Хотѣли даже отложить докладъ, потому что самому лектору съ большимъ трудомъ удалось попасть на кафедру. Толпа, стоявшая даже на улицѣ, оказалась почти непроницаемой въ залѣ. Съ глубокимъ вниманіемъ и интересомъ встрѣтила страна своего знаменитаго соотечественника.

Таковы фазы этой—исключительной для русскаго человѣка—ученой и общественной дѣятельности. Онѣ теперь въ послѣднемъ кругу—соціальной памяти человѣчества.

II.

Предки и отецъ.

Родъ Ковалевскихъ въ Россіи идетъ отъ польскаго выходца Симеона Ковалевскаго. На свою новую родину онъ переселился въ 1650 году. Здѣсь натурализовался и отъ русскаго царя получилъ жалованную грамоту. Развѣтвленіе генеалогическаго древа, впослѣдствіи очень густое и широкое, начинается съ его единственнаго сына Василія. Василій сдѣлалъ карьеру, какъ и многіе

члены его рода, въ казацкомъ войскѣ[1]). Подпись есаула Ивана Ковалевскаго стоитъ подъ актомъ избранія въ запорожскіе гетманы Юрія Хмѣльницкаго. Въ родовыхъ документахъ имѣется указаніе на универсалъ, данный ему малороссійскимъ гетманомъ.

Отъ этихъ корней генеалогическаго древа вплоть до отца нашего ученаго многочисленные представители рода принадлежали къ слободскому украинскому шляхетству. Среди нихъ, кромѣ казацкихъ должностныхъ лицъ, были гражданскіе, военные, даже духовные служилые люди. Родъ напоминалъ англійскую gentry или французскую провинціальную noblesse d'epée, de robe, de croix. Чины предковъ въ большинствѣ случаевъ не высоки. Напр., съ изданія петровской табели, все это больше коллежскіе регистраторы, ассесоры и т. п. Одинъ носилъ хотя тоже не важное, за то весьма рѣдкое званіе: дитенфервальтера седьмого класса и кавалера. Были два — три протоіерея. Изъ служащихъ по военной части, самымъ выдающимся оказывается выше упомянутый отецъ нашего ученаго, полковникъ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, родившійся вскорѣ послѣ кончины Екатерины II. И выдающимся онъ былъ не по чину, которымъ эта государыня награждала младенцевъ въ пеленкахъ, а своею, увидимъ ниже, необыкновенно подвижной, разнообразной

[1]) Василій дослужился до званія полкового обознаго. А отъ Московскаго Царя онъ выхлопоталъ ввозную грамоту, укрѣплявшую за нимъ права на помѣстье.

М. М. Ковалевскій—отецъ.
(До поѣздокъ заграницу).

личной жизнью и сословной дѣятельностью. Человѣкъ настойчиваго характера, добродушный, общительный, съ недюжиннымъ природнымъ умомъ. Изъ шляхетства онъ выдвинулся въ первые ряды своего сословія. Выдѣлился практическимъ умомъ, безусловной честностью. Типичный малороссіянинъ, упорный, съ большимъ запасомъ юмора, не безъ хитрости, на посту губернскаго предводителя сохранилъ слѣды своего происхожденія. Напр., никакъ не могъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ простоватыхъ словечекъ, не гармонировавшихъ съ аристократическимъ званіемъ. Если припомнить, въ какихъ условіяхъ протекали тогда дворянскіе выборы, кого выбирали, и кто иногда домогался этой должности, то нельзя не отмѣтить избранія полковника Ковалевскаго, на основаніи его личныхъ достоинствъ, а не богатства и магнатства. Къ нему подходили слова англійскихъ средневѣковыхъ актовъ о legaliores et meliores de visnetu— слова объ избраніи коммонеровъ, съ любовью повторяющіяся въ сочиненіяхъ сына. Онъ пробылъ, какъ въ то время говорили, „семь курсовъ" (трехлѣтій) уѣзднымъ или замѣняя губернскаго предводителя, даже не будучи записаннымъ въ дворянскую родословную книгу. Случай не частый. Не увѣнчались успѣхомъ его хлопоты о „сопричисленіи" къ знатнымъ и древнимъ родамъ[1]) губерніи, которыхъ представлялъ и безъ этой формальности. Ни одинъ генеалогическій дока не смогъ соеди-

[1]) 6-ая часть родословной дворянской книги.

нить его съ соотвѣтствующей линіей рода. Вслѣдствіе просьбы вдовы, за себя и сына, оба они внесены во вторую часть за военныя заслуги отца, уже послѣ его смерти. Дѣдъ секундъмаіоръ Максимъ Ивановичъ Ковалевскій владѣлъ имѣніемъ въ сто сорокъ душъ, (Григоровка и Ольшаны харьковск. уѣзда). По терминологіи того времени, онъ былъ скорѣе многодушнымъ, чѣмъ малодушнымъ помѣщикомъ. Правильнѣе—среднедушнымъ. Средства позволили ему содержать сына въ кирасирскомъ полку (принца Альберта прусскаго). Сынъ поступилъ на военную службу 15 лѣтъ, по окончаніи Харьковской Губернской гимназіи. Рѣшающимъ жизненнымъ фактомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, явилось участіе въ кампаніи двѣнадцатаго года. Къ этому времени онъ сталъ уже боевымъ офицеромъ, обстрѣляннымъ въ сраженіяхъ (1810 г.) съ турками [1]). Съ своимъ полкомъ, подобно множеству другихъ офицеровъ, онъ избороздилъ западную Европу [2]), пока, наконецъ, въ мартѣ 1814 года, не въѣхалъ верхомъ на конѣ въ Парижъ, за что удостоился высочайшаго благоволенія. Другой разъ высочайшее благоволеніе высказано ему, какъ гласитъ формуляръ, за имѣніе собственнаго верхового коня. Тріумфальное посѣщеніе столицы Франціи оставило у степняка—помѣщика неизгладимое воспоминаніе. И не только

---

1) За сраженіе въ Болгаріи при осадѣ Варны имѣлъ золотой знакъ отличія.

2) Онъ жилъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, Саксонскомъ, королевствѣ Прусскомъ, Баварскомъ, Франціи и пр.

вслѣдствіе удовлетворенія національной гордости Повезя впослѣдствіи заграницу своего десятилѣтняго сына - будущаго ученаго, онъ, дѣйствительно, съ гордостью, показывалъ ему улицы Парижа, гдѣ пролегалъ путь кирасиръ въ 14 году. Но мы имѣемъ въ виду нѣчто иное, болѣе важное, отразившееся затѣмъ на складѣ мыслей полковника, жизненной обстановкѣ и воспитаніи сына. Вниманіе къ этому факту сдѣлаетъ понятнѣе, какъ слободско-украинскій помѣщикъ, сначала средняго достатка, жившій около города, отрѣзаннаго отъ міра (по болѣе поздней характеристикѣ его сына), оказался расположеннымъ къ западноевропейской культурѣ: на склонѣ лѣтъ онъ выбираетъ себѣ въ жены европейски-образованную дѣвушку и начинаетъ ѣздить за границу. Поѣздки преобразили даже внѣшній обликъ Ковалевскаго -- отца. Впрочемъ перемѣна въ Ковалевскомъ не составляетъ исключенія. Наполеоновская эпопея не прошла безслѣдно, въ этомъ отношеніи, для многихъ людей его круга, какъ и онъ, исходившихъ и изъѣздившихъ западъ Европы. Упомянутое измѣненіе бросается въ глаза историку роста правового самопознанія въ Россіи. Въ началѣ столѣтія комитетъ общественнаго спасенія относится весьма презрительно къ политическимъ качествамъ русскаго „джентри“. Чрезвычайно любопытна характеристика, данная ему на conferences. Тайный комитетъ, устами графа П. А. Строганова, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ, называлъ русское сельское дворянство сословіемъ самымъ невѣ-

жественнымъ, de la plus crasse ignorance, ничтожнымъ и наиболѣе тупымъ по своему духу, рабски послушнымъ и лишеннымъ силы сопротивленія правительству. (Confer. du 18 Nov. 1801). Прошла четверть вѣка. Передъ верховной коммиссіей группа этого дворянства предстала уже въ другомъ освѣщеніи. Это не случилось внезапно. Свидѣтельствомъ болѣе ранніе симптомы. Парижскій манифестъ бывшаго предсѣдателя этого тайнаго комитета отъ 18/30 мая 1814 года возвѣщалъ „передъ лицомъ вселенной“, что 1812 годъ положилъ „основаніе свободы народовъ“. Автору такого международнаго заявленія дома пришлось выслушивать отъ дворянъ непріятныя вещи, оказавшіяся пророческими. „Вы возвратили свободу вселенной, установили политическую систему Европы, возвеличили Россію побѣдами и утвердили союзами. Вы сдѣлали все какъ полководецъ и дипломатъ, ничего еще—какъ законодатель“ [1].).

Отъ Александра прежде всего ждали улучшенія законодательства люди, ознакомившіеся съ Западной Европой и русскими непорядками. Естественно, что это настроеніе въ дворянской средѣ относилось лишь къ передовой части, давшей впослѣдствіи декабристовъ. И, конечно, основы новаго политическаго образа мыслей не явились мгновенно, а постепенно, особенно, въ промежуткѣ отъ окончанія отечественной войны до возстанія 1825 года. Въ протоколахъ коммиссіи

[1]) Письмо къ Александру I надворнаго совѣтника Д. П. Извольскаго.

можно прочесть признанія весьма любопытныя для распространенія въ Россіи политическихъ ученій.

Вольнодумство мое,—говорилъ, напр., съ полной откровенностью декабристъ А. Н. Муравьевъ —возникло у меня со времени пребыванія въ 1813—1814 г. въ чужихъ краяхъ отъ духа времени тогдашняго; отъ того началъ я читать разныя политическія книги, какъ-то Маккіавели. Монтескье, „Общественный договоръ Руссо“ и др Показаніе не единственное. По выраженію участника французскаго похода, офицеровъ (которыхъ даже принимали въ массонскія ложи) „политически магнетизировали“. Какъ и другіе русскіе путешественники, они везли домой, въ своихъ „кофрахъ“ самую радикальную литературу. Это можно провѣрить каталогами книгъ помѣщичьихъ библіотекъ того времени. Литературой щедро дѣлились съ сосѣдями и повторяли о необходимости ея изученія. Цензурный пограничный дозоръ, начавшій свирѣпствовать во вторую половину царствованія Александра I, уже не могъ пособить. Зараза распространилась: при томъ въ формахъ, несказанно удивлявшихъ монарха. Любопытно признаніе князя Трубецкого: въ 1816 г. онъ, т. е. Трубецкой, Пестель, поручикъ Муравьевъ, кн. Долгоруковъ начали слушать курсъ лекцій по политической экономіи у пр. Германа [1]. А кн.

---

[1] Пострадавшаго потомъ при содѣйствіи Магницкаго. См. имѣющій выйти нашъ очеркъ по исторіи русской юридической образованности.

Шаховской — лекціи политическихъ и дипломатическихъ наукъ у проф. Шлецера. Слухи дошли до императора. Онъ потребовалъ свѣдѣній. Прочтя донесеніе съ фамиліями означенныхъ лицъ, при весьма хорошихъ отзывахъ о ихъ службѣ, царь нѣсколько разъ, въ раздумьи, повторялъ: „странно, очень странно, почему они вздумали учиться". Еще любопытнѣе показаніе Глинки, характеризующее жажду изученія общественныхъ наукъ. На допросѣ въ Коммиссіи, 15 февраля 1826 г., онъ вспоминалъ, какъ на балахъ, въ театрѣ, вездѣ толковали о политикѣ. И я помню—признавался декабристъ,—когда проходили политическую экономію, то часто встрѣчные другъ друга спрашивали: ,,вы физіократъ или меркантилистъ"? Мы, конечно, далеки отъ предположенія, что подобное настроеніе проникло въ самые захолустные помѣщичьи углы Россіи. Но многія показанія и документальныя данныя за то, что близокъ къ истинѣ А. Бестужевъ, когда говоритъ, что около трети русскаго дворянства мыслило такъ, какъ декабристы. Быть можетъ неточно причислять къ ней М. М. Ковалевскаго — старшаго. Но, взглядываясь въ его убѣжденія, жизнь и дѣятельность, видишь, что они нисколько не въ противорѣчіи съ требованіями отъ вступавшихъ въ общество, о чемъ гласятъ протоколы слѣдственнной коммисіи, со словъ обвиняемаго Каховскаго. 1) строгое исполненіе обязанностей по службѣ; 2) честное безупречное поведеніе въ частной жизни; 3) подкрѣпленіе словомъ всѣхъ мѣръ и предположеній государя

къ общему благу; 4) разглашеніе похвальныхъ дѣлъ и осужденіе злоупотребленій лицъ по ихъ должностямъ; 5) поддержаніе всѣми силами принимаемыхъ правительствомъ или частными людьми полезныхъ предпріятій; 6) обнаруженіе безчестныхъ поступковъ частныхъ людей, которые дойдутъ до свѣдѣнія общества; 7) удаленіе отъ дурныхъ поступковъ тѣхъ, на которыхъ члены могли имѣть вліяніе. Сопоставляя эти пункты съ жизнью, дѣятельностью и убѣжденіями Ковалевскаго - отца, - нельзя не принять эпитета, приведеннаго выше: „melior et legalior de visnetu“.

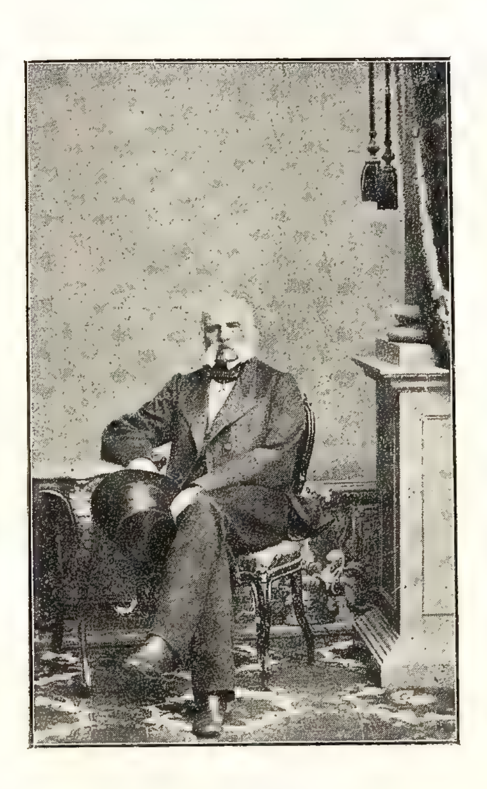
По возвращеніи изъ французской кампаніи, онъ поселился въ родномъ гнѣздѣ, при слободѣ Ольшаны Харьковскаго уѣзда, началъ приводить въ порядокъ дѣла, почти у всѣхъ разстроенныя, благодаря обезкровившей Россію войнѣ. Впрочемъ въ Малороссіи меньше, чѣмъ на сѣверѣ. Къ этому же настойчиво призывалъ Манифестъ Александра I, [1]) написанный въ ложно-славянскомъ стилѣ замѣстителемъ поверженнаго Сперанскаго, новымъ государственнымъ секретаремъ Шишковымъ. Словоохотливо и витіевато перечислялъ жертвы принесенныя сословіями и назначалъ соотвѣтствующія награды.

Благородному дворянству повелѣвалось „украситься“ бронзовою, на владимирской лентѣ, медалью, переходящей старшему въ родѣ; священнѣйшему духовенству даровался—нарочно учреждае-

[1]) Пол. Собр. Зак. 25.671. Август. 30-го, 1814 г. § 2 § 3, § 5.

мый для сего крестъ съ подписью „1812 г.“ именитому купечеству—та же медаль на лентѣ ордена св. Анны. А почтенному мѣщанству и крестьянству — заслуги послѣдняго особенно восхвалились—крестьянству, трудолюбіемъ извлекающему изъ земли первоначальную пищу, изъ среды коего выходитъ воинъ на защиту отечества, манифестъ не менѣе краснорѣчиво предлагалъ *„получить мзду свою отъ Бога“*. Имъ-же преподавалось: „исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, по отношенію къ помѣщикамъ, привести себя въ счастливое состояніе“. Это будущее состояніе описывалось словами пророка Давида: „бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся“... Никому такъ не пришлись ко двору послѣднія слова манифеста, какъ М. М. Ковалевскому. Своею бережливостью, доходившей до скупости — общая черта рода Ковалевскихъ — онъ удвоилъ наслѣдственное состояніе, что такъ пригодилось для полной независимости сына въ его научной работѣ.

Ученая работа обществовѣда имѣетъ свои особенности, по сравненію съ положеніемъ въ наукѣ и работою натуралиста и математика. Научныя идеи юриста всегда имѣютъ непосредственное или посредственное отношеніе къ современной политической дѣйствительности. Они вызываютъ и соотвѣтственное отношеніе со стороны правительства и общества. Безстрастная объективная работа юриста требуетъ большей независимости. Но, конечно, и послѣдняя не избавляетъ отъ жертвъ. Во всякомъ случаѣ, коэф-

М. М. Ковалевскій—отецъ.

(Послѣ поѣздокъ заграницу).

фиціэнтъ полезной научной работы юриста-ученаго, по общему правилу, можетъ скорѣе понизиться вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ. Этого не случилось съ М. М. Ковалевскимъ, благодаря накопленію средствъ отцомъ.

Образъ мыслей отца,—а, слѣдовательно, и нѣкоторое первичное вліяніе на сына—обрисовываются отношеніемъ къ освобожденію крестьянъ. Онъ сталъ защитникомъ этой мѣры, какъ ни возбуждала она противъ себя иныхъ членовъ представляемаго имъ сословія. Ярымъ крѣпостникамъ, на кого никакіе доводы не дѣйствовали, онъ совѣтовалъ вспомнить ихъ же принципъ: „дворяне—первые слуги царя, слѣдовательно, воля государя для нихъ священна“. Послѣ освобожденія, на собственномъ хозяйствѣ онъ показалъ, что переходъ къ свободному труду не подрываетъ умно руководимаго хозяйства. При этомъ, онъ не давилъ крестьянъ своими правами землевладѣльца—напр., выдѣленіе земли не помѣшало ему допускать крестьянъ пасти свой скотъ на помѣщьичьихъ стернахъ. и пр. Второй эпизодъ не менѣе типиченъ. Послѣ 1863 г. начались преслѣдованія поляковъ. Это вызвало нескрываемую критику предводителя. „Вотъ несправедливая политика, говорилъ онъ, которая вредна для интересовъ русскаго государства, непрактична, да и попросту не умна“.

Такимъ образомъ, передъ нами типъ не рабскаго лоялизма, иногда распространеннаго среди дворянъ, подмѣченнаго гр. Строгановымъ. Это лоялизмъ гражданина. Ибо гражданинъ не тотъ, кто

только подчиняется закону, но и тотъ, кто не остается безмолвнымъ свидѣтелемъ совершающейся несправедливости, отъ кого бы она не исходила и покорно не мирится съ нарушенiемъ блага родины.

III.

Мать.

Въ соотвѣтствующихъ актахъ читаемъ [1]), какъ въ 1848 г. губернскiй предводитель дворянства-полковникъ и кавалеръ Максимъ Максимовичъ Ковалевскiй, 55 лѣтъ, сочетался первымъ бракомъ съ дочерью умершаго помѣщика штабъ-капитана Познанскаго — дѣвицею Екатериной Игнатьевной Познанской, 28 лѣтъ, въ приходѣ сл. Пересѣчной, церкви села Двурѣчный Кутъ. По словамъ родственниковъ, онъ нѣсколько уменьшилъ свои лѣта. Несмотря на возрастъ, новобрачный—красивый и статный мужчина—казался моложе своихъ лѣтъ. По описанiю знавшихъ его, онъ представлялъ типъ малороссiйской казацкой красоты. Впослѣдствiи сынъ также любилъ называть себя казакомъ. И, пожалуй, былъ правъ: по крайней мѣрѣ для своей родины, одно время, онъ вошелъ въ ряды ученой казацкой вольницы, перекочевавшей за границу. Остановимся на личности матери.

---

[1]) См. дѣла Харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранiя № 31, ч. II. № 67 ч. 6 № 96 ч. 6.

Е. И. Ковалевская, урожденная
Познанская.

1

Дѣвушка, привлекшая вниманіе стараго предводителя, своими личными качествами не могла не выдѣлиться, какъ исключительное явленіе для провинціальной глуши. Ихъ можно собрать въ староэллинскомъ афоризмѣ „о прекрасной душѣ въ прекрасномъ тѣлѣ“. Она обладала чарами женской привлекательности, какія французы характеризуютъ однимъ словомъ: „charmeuse“—чарующая. Почему замужество пришло для нея такъ поздно? Вѣдь извѣстно, что молодыя жены того времени, по выходѣ замужъ, зачастую продолжали играть въ куклы.

Мать Ковалевскаго—изъ семьи когда то богатыхъ полтавскихъ помѣщиковъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію жившихъ въ свое удовольствіе,—типа эпикурейцевъ, конечно, не въ первоначальномъ смыслѣ этого слова. Въ обществѣ они слыли за игроковъ и подагриковъ. Жили, какъ будто заботясь о скорѣйшей тратѣ своего состоянія. Нельзя скрыть, что въ этомъ они достигли полнѣйшаго успѣха еще до замужества Екатерины. Послѣдняя оказалась безприданницей. Все же она и ея сестра Марія получили блестящее, художественное и литературное образованіе. Ихъ отличало прекрасное знаніе языковъ,—въ томъ числѣ и нѣмецкаго (ихъ мать—дочь русскаго генерала—нѣмца Мюнстеръ), и большая начитаность. Кромѣ того, Екатерина Игнатьевна талантливая рисовальшица и музыкантша.

Увлеченіе нѣмецкой литературой [1]) (кружокъ Станкевича) въ противоположность французской

[1]) Гегель, Шеллингъ.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

(кружокъ Огарева и Герцена)[1] не раздѣляло тогда интеллигенцію провинціи. Въ концѣ сороковыхъ годовъ и сами эти столичные кружки слились подъ названіемъ западниковъ. Въ провинціи же западничество вливалось, исключительно, при помощи французской литературы. Провинціальныя молодыя дѣвицы той поры даже Богу молились по французски. Полусонную степную политическую мысль сначала будили Вольтеръ, M-me де Стааль, Рейналь, впослѣдствіи Тьеръ, Гизо, Мишле. Волюмы ихъ сочиненій стояли на полкахъ обширной библіотеки матери Ковалевскаго. Однако же тону ея мыслей, чувствъ политическаго настроенія болѣе соотвѣтствовавалъ авторъ, которымъ тогда увлекались многія женщины. Это былъ апостолъ женской свободы-Аврора Дюдеванъ, извѣстная подъ псевдонимомъ Жоржъ Зандъ. Соціальный неоромантизмъ ея былъ фономъ для новыхъ этико-соціальныхъ идей, рѣзко отдѣлявшихъ молодую Францію эпохи „февральскихъ дней", отъ стараго порядка. Мать Ковалевскаго, при такомъ разностороннемъ образованіи не могла сдѣлаться воспитательницей педанткой. Къ тому же она была очаровательной свѣтской женщиной, любившей и умѣвшей устроить красивую, комфортабельную жизнь, что говорило о наслѣдственныхъ вліяніяхъ предшествующихъ, знавшихъ savoir vivre поколѣній. Природа не часто такъ щедра въ сво-

---

[1]) *Сенъ-Симонъ*, Фурье, Леру позднѣе, въ шестидесятые годы, Прудонъ.

ихъ дарахъ къ одному человѣку. И рѣдко они получаютъ такое гармоничное сочетаніе, такое изящное культурное завершеніе. Понятна у такой дѣвушки требовательность молодыхъ грезъ къ будущему супругу. Но проходили года. Первый выѣздъ въ свѣтъ—громадное событіе — нерѣдко предрѣшавшее вопросъ о замужествѣ,—былъ покрытъ десятилѣтней давностью. Въ семьѣ пришли денежныя затрудненія. Мечты о бракѣ по любви отодвинулись. Бракъ по разсудку сталъ почти необходимостью. Свои неосуществленныя мечты она оплакивала въ день свадьбы. [1]) По общему мнѣнію, партія была далеко не худшей, а быть можетъ, при наличныхъ условіяхъ, лучшей. Невѣста опиралась на руку умнаго, высоко цѣнившаго ее человѣка, обладавшаго достаткомъ—одно изъ первыхъ лицъ губерніи. Къ тому же, Ковалевскій болѣе, чѣмъ она, въ ея расцвѣтѣ красоты, на долго сохранилъ, молодость темперамента. Въ женѣ полковникъ нашелъ чего ему не доставало, т. е. образованія вкуса, умѣнья создать нарядный тренъ жизни и представительства. Вращаясь среди харьковскаго beau mond'а, не блиставшаго образованіемъ, особливо въ прекрасной половинѣ, знавшей только игру на фортепіано да французскую causerie, предводитель не прошелъ мимо этого перла. И едва ли могъ сдѣлать лучшій выборъ для своихъ цѣлей.

---

[1]) Кто-то изъ дѣтей даже спрашивалъ няню: «чего плачетъ Катя?» «Такъ невѣстѣ *полагается передъ вѣнцомъ*»—отвѣчала старуха.

IV.

Наслѣдственныя и культурныя вліянія.

Отъ этого поздняго брака и произошелъ М. М. Ковалевскій [1]). Отсутствіе указаній въ его автобіографіи (точно также въ документахъ отца) на братьевъ и сестеръ можетъ привести къ мысли, что М. М.—первенецъ. Оказывается однако, что онъ родился черезъ три года послѣ брака вторымъ ребенкомъ. Его старшій братъ Николай появился на свѣтъ безъ нёба, жилъ не долго. У второго сына также имѣлся дефектъ, называемый въ медицинѣ labium leporinum. Такимъ образомъ, М. М. не представляетъ исключенія изъ наблюденія, что первенцы не даютъ изъ своей среды выдающихся людей.

Новѣйшія изслѣдованія о наслѣдственности склоняютъ къ мысли, что человѣческая особь обладаетъ физической и моральной конституціей, на которой частично отлагаютъ свои вліянія оба родителя. При чемъ, по мнѣнію Оствальда, качества индивидуума составляются мозаикообразно изъ

---

[1]) Отмѣченная разница лѣтъ между возрастами супруговъ переходитъ антропологическую черту, за которой можно ожидать физической дефективности происшедшаго отъ нихъ ребенка.

Кромѣ того, сюда относится и проблема вліянія возраста родителей, въ частности отца, на интеллектуальную сторону отпрыска. Здѣсь далеко не точныя и крайне несовершеннаго характера наблюденія. Напримѣръ, говорятъ о возможности происхожденія отъ родителя стараго возраста дитяти съ задатками для проявленія выдающейся государственной дѣятельности.

конечнаго числа составныхъ частей, которыя могутъ принадлежать какъ отцу, такъ и матери, но такимъ образомъ, что одно исключаетъ другое. Это значитъ, что какая нибудь опредѣленная часть происходитъ или отъ отца, или отъ матери, но никогда не бываетъ смѣсью изъ соотвѣтствующихъ составныхъ частей обоихъ родителей. Если принять во вниманіе эту гипотезу, то, помимо нея, остается открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые у Зоммера, Рейбмайера, писавшихъ о великихъ людяхъ, Гальтона, Рибо, Де-Кандолля, того же Оствальда, Гюйо и др. отвѣты не сходны. Наслѣдственны ли свойства функціональнаго или механическаго характера, въ какой степени новая особь усваиваетъ признаки предковъ (атавизмъ), расовые инстинкты, образуется ли ея индивидуализація признаковъ эволюціей или мутаціей, насколько подтверждается возможность психической, культурно-профессіональной наслѣдственности, т. е. передача уже отобранныхъ признаковъ: напримѣръ, слуха у музыкантовъ, математической абстракціи и т. п. Быть можетъ, для разрѣшенія этихъ вопросовъ въ свое время принесутъ долю пользы и свѣдѣнія собираемыя біографами. Попробуемъ суммировать эти послѣднія относительно М. М. Ковалевскаго, принявъ во вниманіе личности обоихъ родителей. Воспользуемся для той же цѣли еще другими психологическими данными. Нѣкоторые современные психологи, вопреки Спенсеру, Бену, Мюнстербергу, Рибо и др., вводятъ въ психологію понятіе „подсознательнаго я“, противополагаемаго

„я сознательному“ (проф. М. Принсъ, Вальдштейнъ и др.). Минуя всякій мистицизмъ—въ чемъ повиненъ Принсъ, — „подсознательное я“, намъ кажется, можно понимать, во-первыхъ, какъ психо-физіологическую основу характера, надъ которой человѣкъ не воленъ, напримѣръ, его темпераментъ.

Здѣсь „подсознательное я“ дано рожденіемъ. Затѣмъ, на этой основѣ, созидается какъ бы второй слой „подсознательнаго я“, результатъ воздѣйствія окружающей среды, въ широкомъ смыслѣ слова, съ ея „обычнымъ правомъ“ воспитанія, накопленія собственныхъ впечатлѣній и пр. Его можно бы назвать культурнымъ слоемъ подсознанія въ противоположность первому природному (съ его растительными, животными и др. психо-физіологическими инстинктивными, эмотивными и др. процессами). Замѣтимъ, что „подсознательное“, съ его фондомъ двоякаго происхожденія, не слѣдуетъ смѣшивать съ безсознательнымъ состояніемъ человѣка, т. е. явленіемъ въ иныхъ случаяхъ и патологическимъ. Подсознательный слой сказывается иногда и пассивнымъ источникомъ (память), изъ котораго, сознательнымъ усиліемъ, человѣкъ можетъ извлекать требуемое въ данный моментъ содержаніе. Въ этомъ видѣ подсознательное „я“ можно разсматривать какъ рядъ психическій, въ отличіе отъ природнаго физическаго органически-структурнаго „я“. Но „подсознательное я“ можетъ быть и актуально (импульсы темперамента). Для лучшаго усвоенія нашихъ

понятій воспользуемся такимъ примѣромъ Вальдштейна. Сужденіе „сознательнаго я“, напр., сужденіе образованнаго француза о какихъ либо вещахъ, будь онъ коммерсантъ, человѣкъ какой либо другой профессіи или художникъ, никоимъ образомъ не отличается отъ сужденія образованнаго англичанина или образованнаго нѣмца. Онъ, вѣрнѣе выражаясь, „человѣкъ общества“. Но если, по какой либо причинѣ, вслѣдствіе ли волненія, или подавленнаго настроенія, или болѣзни, его сознаніе ослабляется или совершенно его оставляетъ, то тогда, несмотря на духовную культуру, даетъ знать о себѣ его „подсознательное я“ и тутъ уже обнаруживается его національныя особенности, и пр. Благодаря этимъ проявленіямъ „подсознательнаго я“, человѣкъ—не только представитель своего времени, но и отраженіе опредѣленныхъ особенностей своей родины, происхожденія, сословія, къ которому онъ принадлежитъ. И то, что называется наслѣдственностью, есть часто лишь (въ нѣкоторыхъ чертахъ) выраженіе подсознательнаго „я“...

Если мы примемъ такое раздѣленіе, то окажется, что наслѣдственное вліяніе родителей на Ковалевскаго разложилось такимъ образомъ. Элементы перваго слоя „подсознательнаго я“—природныя, инстинктивныя предрасположенія — отразили отцовскую наслѣдственность. Отецъ передалъ ему антропологическія черты рода, національности. Онъ передалъ ему жизнеупорность, выносливость въ трудѣ, любовь къ подвижности, свои организаціонныя

способности, проявленныя и сыномъ. Вспомнимъ всѣ эти предсѣдательствованія, участіе въ организаціи и руководствѣ журналовъ, газеты „Страна", своего университета въ Парижѣ, любовь быть сотрудникомъ въ многочисленныхъ обществахъ. Сказалось вліяніе и на иныхъ чертахъ сына, напр., на юморѣ. Добродушно-юмористическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности и къ самому себѣ М. М.—второй отличался всю жизнь.

Материнское вліяніе проявило себя въ „культурномъ я". Она передала сыну психическія основы для культурныхъ воспріятій идеалистическаго ряда, любовь къ изящной жизни, красивой природѣ, комфорту, изысканности въ пищѣ [1]), необыкновенную тактичность, мягкость выраженій и манеръ, свѣтскость, тонкую обходительность въ отношеніи къ людямъ и пр.

Помня о мозаикообразномъ характерѣ наслѣдственныхъ вліяній и въ дальнѣйшемъ развитіи „культурнаго я", надо принять во вниманіе и вліяніе закона противодѣйствія причинъ или, какъ его называютъ, смѣшенія причинъ. Напримѣръ, любовь къ комфорту, изысканной пищѣ, красивой жизни трудно уживаются со скупостью—черта Ковалевскихъ по мужской линіи. Должно произойти въ дальнѣйшемъ приспособленіе, модификація, извѣстная нейтрализація этихъ стремленій—получается бережливость или, по крайней мѣрѣ, умѣряется расточительность, и т. д. Такимъ

[1]) Это показало и вскрытіе мозга М. М.: обнаружилось развитіе части, завѣдующей вкусовыми ощущеніями.

образомъ ингредіенты будущей личности М. М. Ковалевскаго—сына сложились приблизительно такъ, что интеллектуальный и культурный ряды ихъ позволяютъ распознать родственность съ матерью, физіологическій ихъ рядъ, подсознательная основа характера, физико-антропологическіе элементы напоминаютъ отца. Если принять это различіе вліяній, можно установить нѣкоторыя особенности дальнѣйшаго образованія „культурнаго я“, на основѣ природнаго, черезъ воспитаніе, почти всецѣло обусловленное матерью съ ея гибкимъ, живымъ и пытливымъ умомъ. Ей, носительницѣ образовательныхъ идеаловъ, какіе она стремилась осуществить въ сынѣ, приходилось вести — борьбу съ „его подсознательнымъ я“ [1]), другими словами, главнымъ образомъ ей выпало на долю образованіе сознательнаго человѣка въ своемъ сынѣ. Въ духѣ принциповъ воспитанія 18 столѣтія,—когда полагали возможнымъ преподавать талантъ и моральное совершенство,—мать Ковалевскаго раціонализировала воспитаніе. Поэтому „сознательное я“ Ковалевскаго развивалось въ ущербъ размаху эмотивнаго „подсознательнаго я“, непосредственному его проявленію. Нѣтъ ничего удивительнаго, деревенскія забавы, охота, замѣнявшая спортъ, игры съ сверстниками отсутствовали. Пренебреженіе физической нравственностью, какъ называетъ Спенсеръ, физическую сторону развитія, не проходитъ

[1]) См. Автобіографію М. М. Ковалевскаго „всякое невниманіе съ моей стороны принималось ею за личную обиду и давало поводъ къ маленькимъ семейнымъ сценамъ“.

безслѣдно. Такое воспитаніе, (веденное однако безъ всякаго впрочемъ опредѣленнаго плана) повлекло къ развитію избирательныхъ сознательныхъ импульсовъ. Культура сознательнаго „я“ пріучаетъ подавлять проявленія своего подсознательнаго „я“, особенно въ томъ случаѣ, если они затрагиваютъ какіе либо интересы другихъ людей. Въ связи съ этимъ происходитъ выработка такта т. е. умѣнье своимъ сознательнымъ „я“ постоянно контроливать „я“ подсознательное, (самокритика) имѣть въ его психической части (память) на готовѣ, постоянный фондъ, быстро извлекать оттуда требуемое. Къ такту у М. М. присоединяется свойство, которое называется находчивостью, остроуміемъ и пр.

Чрезвычайно любопытенъ фактъ материнской настойчивости въ выработкѣ у сына интеллектуальнаго контроля и управленія чувствами. По окончаніи университета, М. М. отправляется за границу для подготовки къ профессурѣ. Въ день отъѣзда онъ повторялъ: „какъ я уѣду отъ тебя, maman?“ Та крѣпилась и не выдавала себя. Вечеромъ совершился отъѣздъ. Послѣ него мать дала волю горькому чувству разлуки. Она плакала. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда часовъ въ 10 вечера Максимъ стоялъ передъ ней на колѣнахъ. Онъ не могъ побороть чувства разлуки и выскочилъ изъ поѣзда на первой же остановкѣ (ст. Рыжовъ). Не смотря на трогательную, рѣдкую любовь сына, воспитательница-мать все же настояла на отъѣздѣ. Этотъ фактъ проливаетъ свѣтъ на

Мать М. М. Ковалевскаго.
(60-е годы).

предсмертные часы Ковалевскаго, наполненные воспоминаніемъ о матери, которую онъ такъ же боготворилъ, какъ и она его.

Всего въ двухъ словахъ можно выразить благодарную основу для будущей жизни человѣка. Эти слова: „счастливое дѣтство". Оно было у М. М. Ковалевскаго. Въ его предсмертныхъ воспоминаніяхъ они соединились въ одно: „мать". Воспоминаніе о ней согрѣло и освѣтило закатъ дней. Такъ лучъ солнца, уже скрытаго набѣжавшими сумерками, на мгновенье возвращается и неожиданно прорѣзываетъ наступающую тьму...

V.

Дошкольное воспитаніе и образованіе.

Весь періодъ домашняго воспитанія, сказано, проходитъ подъ вліяніемъ матери и тетки. О послѣдней рѣчь впереди. Въ своего единственнаго сына мать вложила свое сердце и свой умъ. Была еще внѣшняя причина исключительнаго сосредоточенія матери на личности сына. Послѣ его рожденія она захворала, много лѣчилась заграницей, куда брала и сына. Свѣтская женщина почти отказалась отъ общества. Наступила жизнь культурнаго уединенія. Воспитаніе сына и занятія съ нимъ стали единственной жизненной цѣлью. Не удивительно, что ребенку, жившему среди взрослыхъ, предъявлялись иногда чрезмѣр-

ныя требованія. Отецъ нерѣдко указывалъ на это и, какъ бы въ противовѣсъ, баловалъ своего любимца. Послѣ его смерти, случившейся, когда мальчику исполнилось 13 лѣтъ, вдова стала полновластной распорядительницей судьбы сына. Она была назначена опекуншей, пожизненной владѣлицей всего имѣнія. Въ случаѣ смерти сына—и единственной наслѣдницей. Настойчиво заботливая, сердечно-умная воспитательница держала сына въ постоянномъ напряженіи работы. Строгость требованій, при отсутствіи страха, укрѣпляетъ характеръ и трудоспособность, не колеблетъ любви къ воспитателю. Ибо страхъ—это кладбище любви, основанной даже на кровномъ родствѣ. При такихъ условіяхъ, менѣе всего могъ выйти балованный барченокъ. Обстоятельства сложились счастливо и въ другомъ отношеніи. Преподаваніе мальчику музыки, живописи и пр., развивъ эстетическій вкусъ, не сдѣлало изъ него блестящаго диллетанта. Хотя одно время Ковалевскій мечталъ о поступленіи въ консерваторію. Онъ увлекался игрой на фортепіано. Вѣдь образованіе находилось въ рукахъ женщины, понимавшей направленіе соціально-политическаго строя и все возрастающее значеніе труда. Вспомнимъ, она искала и нашла отзвуки своимъ мыслямъ и настроеніямъ въ произведеніяхъ наполненныхъ увлекательными предчувствіями будущаго, романтизировавшихъ идеи деклараціи правъ человѣка—гражданина и соціальной справедливости. Это исключительное воспитаніе и образованіе концентрировалось на развитіи ума. Интеллигенція

культурно-отставшаго народа, переходя къ интенсивной работѣ мышцами духа, сначала пренебрегаетъ „физической нравственностью", здоровьемъ мышцъ тѣла. Напряженіе мышцъ духа нелегко, для возраста, требующаго физическаго движенія подобно растенію, требующему колебаній весенняго вѣтра.

Развитіе той или другой стороны человѣка въ молодости создаетъ навыки для всей остальной жизни. Интеллектуальные навыки въ воспитаніи М. М. заслонили всѣ другіе, чему Ковалевскій обязанъ матери. При томъ,—матери единственнаго сына и женщины съ большимъ состояніемъ. Нужно и это принять во вниманіе, чтобы оцѣнить въ матери воспитательницу.

Вліяніе на Ковалевскаго болѣе старшаго возраста оказала тетка, родная сестра матери, вышедшая вторымъ бракомъ замужъ за профессора Рындовскаго. Впослѣдствіи онъ занялъ должность инспектора харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Къ своему ученому родственнику (Рындовскій окончилъ два факультета, медицинскій и историко-филологическій) Ковалевскій, по откровенному признанію, чувствовалъ почтительный страхъ. Особенно съ тѣхъ поръ, когда семейный педагогъ конфисковалъ у него сочиненія тогдашняго кумира молодежи-Писарева. Г-жа Рындовская, много занимавшаяся съ племянникомъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ стояла ближе къ сестрѣ, чѣмъ къ мужу. Впрочемъ, въ ея рукахъ, на ряду съ сочиненіями Фурье, можно было видѣть и писанія Каткова. Она—чело-

вѣкъ болѣе острый умомъ, чѣмъ мать, и сильный характеромъ. Когда племяннику понадобилось готовиться къ вступительному экзамену, тетка не остановилась сама передъ изученіемъ латинскаго языка, чтобы помочь стать ему гимназистомъ. Спрашивается, почему при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ домашняго образованія отдали мальчика въ гимназію? Кромѣ внѣшней причины,—необходимости послѣ смерти мужа управлять дѣлами, мать преслѣдывала иную цѣль, болѣе важную. Она хотѣла видѣть сына въ обществѣ равноправныхъ товарищей [1]. Признавать равенство мало, надо было воспитывать въ немъ подрастающее поколѣніе.

Намѣреніе далеко не лишнее и въ другомъ отношеніи, при жизни особнякомъ, какую вели мать съ сыномъ и особенно благодаря вліянію, какое имѣла мать. Здѣсь инстинктъ воспитательницы, просвѣщенный лучшими идеями, подсказалъ, что оригинальность, самостоятельность и энергія постепенно ослабѣваютъ въ своихъ зачаточныхъ формахъ, если ребенокъ во всемъ и долго зависитъ отъ родителей. Его впечатлѣніямъ своевременно должна быть открыта среда, гдѣ придется жить. Такимъ уголкомъ жизни, показавшимъ лю-

---

[1]) Въ то время аристократизмъ, аристократъ, были ругательными словами. И поэтому можно представить себѣ огорченіе сына, когда мать, заботившаяся о его здоровьи (Ковалевскій много и долго болѣлъ вь дѣтствѣ), присылала за нимъ въ гимназію, а потомъ даже и въ университетъ, карету.

дей-сверстниковъ и была школа [1]). Впрочемъ до поступленія въ нее нельзя пройти еще мимо одного вліянія. Единственнаго друга дѣтства нашелъ М. М. въ старшемъ по возрасту И. И. Мечниковѣ. Мальчики часто видѣлись, особенно по зимамъ, когда семьи ихъ съѣзжались изъ деревень [2]) въ Харьковъ [3]). Дружба эта характерна въ свѣтѣ настроенія молодежи шестидесятыхъ годовъ. Одинъ—будущій представитель естествознанія, другой—обществовѣдѣнія. Звено соединившее послѣднее съ первымъ былъ, какъ извѣстно, позитивизмъ. Методологически онъ впервые поставилъ и соціальныя науки въ одно-линейный рядъ наукъ. Въ Россіи, для расцвѣта естествознанія оказались благопріятныя условія. Катастрофа подъ Севастополемъ заставила русское правительство признать науку, въ частности даже министра народнаго просвѣщенія, такого какъ Норовъ, который разъѣзжалъ по всей Россіи, повторяя: „Наука, господа, всегда была для насъ одной изъ

---

[1]) Джонъ Стюартъ Милль, вспоминая уже въ зрѣлыхъ годахъ объ отцѣ говоритъ: „Онъ оберегалъ меня отъ деморализирующаго вліянія школьной жизни". И сѣтуетъ на него за то. Въ молодые годы знаніе дѣйствительной жизни, даваемой школой для будущей практической дѣятельности, у него ничѣмъ не было возмѣщено. „Въ этомъ отношеніи, прибавляетъ С. Милль, отецъ ожидалъ дѣйствій безъ причинъ.

[2]) Ковалевскіе занимали верхній этажъ углового дома съ лѣвой стороны сквера на Екатеринославской (по направленію къ вокзалу), а Мечниковы жили на Ярославской. Въ нашей статьѣ „Гимназическіе и студенческіе годы И. И. Мечникова". („Вѣстникъ Европы" ноябрь, 1916 г.) ошибочно сказано, что Мечниковъ учился въ одной гимназіи съ М. М. Ковалевскимъ.

[3]) Ковалевскіе лѣто проводили въ имѣніи Двурѣчный Кутъ, купленномъ на имя жены.

важнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою знанія". Такъ вспоминаетъ К. А. Тимирязевъ въ своей статьѣ: „Пробужденіе" естествознанія въ третьей четверти вѣка".

Благопріятное условіе для пробужденія заключалось въ томъ, что естественныя науки, наиболѣе удаленныя отъ политики, считались и наиболѣе безвредными. Имъ не отказывали даже въ извѣстномъ почетѣ, открывали даже доступъ въ общую систему обученія—до кадетскихъ корпусовъ включнтельно [1]). Это сыграло свою роль въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія. Проводникомъ философскихъ, научныхъ и политическихъ взглядовъ въ то время, какъ извѣстно, служила русская критика. Въ перемежку съ разборами текущей литературы Чернышевскій, Писаревъ, менѣе извѣстный Ватсонъ и др. популяризовали принципы научной философіи, вытѣснявшей матеріализмъ [2]). Они развивали критическое отношеніе къ современному русскому соціально-политическому строю. Въ такой полосѣ тогдашнихъ умственныхъ настроеній сошлись два молодыхъ друга съ ихъ тяготѣніемъ къ самостоятельному изученію фактовъ естественной и соціальной исторіи. А что представлялъ изъ себя уже тогда другъ Ковалевскаго, говорятъ слова ученаго мемуариста: уже въ

---

[1]) Исторія Россіи въ 19 вѣкѣ вып. 26, стр. 2, 3.

[2]) Представителями котораго были: Молешотъ, Бюхнеръ, Фохтъ. См. статью Овсяннико-Куликовскаго. Литература 70 годовъ. Ibidem.

самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петроградѣ стали распространяться слухи о появившемся въ Харьковѣ Wunderkind'ѣ, чуть не на гимназической скамьѣ уже научившемся владѣть микроскопомъ и даже печатающемся въ иностранныхъ журналахъ. Это былъ будущій ученый Илья Ильичъ Мечниковъ [1]).

Чтобы покончить съ дошкольнымъ періодомъ, замѣтимъ, женское вліяніе съ его обыкновеннымъ наклономъ въ сторону художественной литературы [2]), въ данномъ случаѣ, счастливо навело мальчика на болѣе серьезныя занятія. Уже къ этой ранней эпохѣ относятся зародыши нѣкоторыхъ спеціальныхъ симпатій. Мы говорили о любви матери къ историческимъ сочиненіямъ, какими изобиловала ея библіотека, постоянно пополнявшаяся иностранными журналами и новинками. Ковалевскій самъ признаетъ, что именно матери обязанъ весьма удачнымъ выборомъ книгъ для чтенія, рано развившаго въ немъ вкусъ *къ исторіи и этнографіи.* Пристрастіе къ научному чтенію, большія способности къ языкамъ, успѣшное овладѣніе лингвистической техникой заложили прочный и, во всякомъ случаѣ, болѣе широкій фундаментъ, чѣмъ требовалось для схоларнаго изученія

---

[1]) Тимирязевъ, К. А. Ib.

[2]) Не мѣшаетъ сказать, что мать и тетка научили своего питомца цѣнить русскую литературу, къ которой въ то время высшее французившее провинціальное общество относилось еще свысока. Характерно, что мальчикъ — великолѣпный чтецъ, читая въ обществѣ вслухъ сочиненія Гоголя долженъ былъ еше пропускать нѣкоторыя слова, шокировавшія своимъ реализмомъ

гимназическихъ предметовъ. Не удивительно, что учитель исторіи на урокахъ заставлялъ гимназиста — Ковалевскаго дѣлиться съ товарищами по классу своими историческими знаніями, выходившими за рамки учебника, носившаго къ тому-же слѣды сокращающаго учительскаго карандаша. Получалось оригинальное сочетаніе. Учебникъ Иловайскаго и разсказы ученика Ковалевскаго въ классѣ о необходимости „ecraser l'infâme".

Что касается упомянутой лингвистической техники, то общество женщинъ, владѣвшихъ языками въ совершенствѣ не могло не создать для этого самой благопріятной обстановки. М. М. шутя говорилъ, что ухо у него беотійское, и впослѣдствіи усовершенствоваться въ языкахъ итальянскомъ и испанскомъ ему много помогло женское общество соотвѣтствующихъ національностей. Этотъ способъ изученія языковъ онъ находилъ самымъ быстрымъ и пріятнымъ.

Характерной чертой изученія иностранныхъ языковъ дошкольнаго образованія была неотдѣлимость языка, какъ техническаго средства, отъ языка, какъ символа понятій. Мальчикъ сознательно читалъ французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ. Даже пристрастился къ поэту свободы—Шиллеру, переводя его исторію тридцатилѣтней войны. Самыя трудныя техническія усилія, становясь осязательно цѣлесообразными, не угнетаютъ молодого ума, что бываетъ въ школѣ, особенно съ древними языками, славянской грамматикой и проч. Какъ увидимъ ниже, это почувствовалъ юный

М. М. Ковалевскій 10 лѣтъ.
(«Мима Ковалевскій»).

школьникъ. Характерно, что въ знаніяхъ по славянской грамматикѣ и латинскому языку образовался пробѣлъ: мы видѣли спѣшность его заполненія при самоотверженной помощи тетки. Оказалась прорѣха и въ другомъ отношеніи. Я—признавался М. М. Ковалевскій—передъ самымъ поступленіемъ въ гимназію—„ничего не зналъ о катехизисѣ и еще меньше о богослуженіи“.

Въ заключеніе, нельзя не подчеркнуть характерныя черты дошкольнаго образованія. Объемъ историческихъ и этнографическихъ знаній, математики, общихъ идей естествознанія и пр., все вмѣстѣ значительно превышало требованія школы, не говоря о знаніи языковъ, иностранной литературы, наконецъ, въ общемъ развитіи. Во вторыхъ, реальный, религіозно-аномическій характеръ свободнаго образованія. Онѣ помогутъ объяснить отношеніе М. М. Ковалевскаго, какъ оно сказалось въ его мемуарахъ, къ пріемамъ и содержанію стереотипнаго гимназическаго образованія.

VI.

Школа.

Въ Маѣ и Іюнѣ 1865 года Ковалевскій держалъ экзамены въ 5-ый классъ 3-й гимназіи. Мы имѣли возможность [1]) найти нѣкоторыя данныя объ этомъ періодѣ жизни М. М. въ архивѣ этой

[1]) Благодаря любезному содѣйствію А. Н. Гуссаковскаго, директора 3-й Харьковской гимназіи.

гимназіи. Прошеніе о допущеніи къ экзаменамъ написано собственноручно матерью, ея твердымъ, отчетливымъ, бисернымъ почеркомъ. Прошли они блестяще. О гимназіи, куда поступилъ Ковалевскій 13-ти лѣтъ, послѣ такого свободнаго домашняго образованія, не осталось свѣтлыхъ воспоминаній. Вотъ отрывокъ изъ нихъ: Въ гимназіи я постепенно сталъ забывать новые языки и исторію, плохо обучался латыни и по цѣлымъ годамъ слушалъ изложеніе былинъ о богатыряхъ, слова о полку Игоревѣ и поученія Даніила Заточника. Все это, сопровождаемое комментаріемъ, отражавшимъ на себѣ вліяніе взглядовъ Ореста Миллера и ходячей въ то время солярной теоріи. На выпускномъ экзаменѣ случилось со мной довольно комическое приключеніе. Въ то время, какъ я, при полномъ одобреніи присутствовавшаго для контроля извѣстнаго слависта профессора Петра Лавровскаго, раскрывалъ въ Ильѣ Муромцѣ древнерусскаго бога Перуна, вошелъ попечитель, химикъ Воскресенскій. Прислушавшись къ моему отвѣту и узнавъ изъ него, что Владиміръ былинъ никто иной, какъ богъ солнца или Даждь-богъ, онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ, къ немалому скандалу учителя и профессора, поспѣшившихъ указать ему на его отсталость въ сравнительной миѳологіи. Въ настоящее время смѣхъ Воскресенскаго вспоминается мнѣ, какъ единственный протестъ противъ того вздора, какимъ наполняли наши юныя головы.... Исторія литературы считалась еще наиболѣе развивающимъ предметомъ.

Что касается латыни, то, занятые всецѣло переводами назидательныхъ повѣстушекъ съ русскаго языка, мы едва успѣвали прочитывать двадцать страницъ изъ Цезаря или Салюстія и вытверживали наизусть двѣ-три оды Горація или отрывокъ изъ метаморфозъ Овидія. Въ алгебрѣ, геометріи и физикѣ учителя придерживились своихъ собственныхъ руководствъ, въ которыхъ все было представлено такъ просто, такъ необыкновенно просто, что въ концѣ года у насъ не оказывалось на самомъ дѣлѣ никакихъ положительныхъ знаній, кромѣ немногихъ выученныхъ наизусть формулъ и теоремъ и т. д. [1]).

Насъ интересуетъ не самъ по себѣ химикъ Воскресенскій, спрашивавшій, по словамъ другого мемуариста [2]) той же гимназіи, на урокѣ нѣмецкаго языка повелительное наклоненіе прошедшаго времени отъ какого-то глагола, ни само по себѣ отрицательное содержаніе воспоминаній Ковалевскаго о своей первой школѣ. Два факта должны быть отмѣчены, по нашему мнѣнію, въ своемъ общемъ значеніи. Первый: на Ковалевскомъ оправдывается сдѣланное Оствальдомъ наблюденіе и имъ же объясняемое. Въ бытность Оствальда профессоромъ къ нему отъ имени японскаго министерства просвѣщенія обратился его же ученикъ японецъ и спросилъ, какъ можно заблаговременно распо-

---

[1]) Русская мысль 1895 г. № 1 «Мое научное и литературное скитальчество". Все же учился М. М., согласно формальной оцѣнкѣ, отлично. Награжденъ золотой медалью.

[2]) Объ этихъ мемуарахъ ниже.

знавать будущихъ выдающихся людей. (Японское правительство ассигновало значительныя суммы на стипендіи талантливымъ, но бѣднымъ людямъ и, чтобы не истратить ихъ напрасно, хотѣло имѣть критерій отбора). Удивившись сначала, затѣмъ послѣ основательнаго размышленія, профессоръ заявилъ, что критерій особенно даровитыхъ учениковъ есть. *По его наблюденіямъ они не довольны тѣмъ, что имъ даетъ школьное преподаваніе*. Ибо школьная программа, какъ, по глубинѣ, такъ и по ширинѣ, качественно, и количественно приспособлена по опыту къ уровню развитія и способностямъ средняго ученика; даровитому же ученику, поднимающемуся надъ среднимъ уровнемъ, какимъ отмѣриваетъ программа, будетъ казаться и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи не достаточнымъ; онъ будетъ требовать большаго. Второй фактъ, какой, по нашему мнѣнію, нашелъ свое выраженіе въ приведенномъ отрывкѣ, — борьба гуманитарнаго классицизма съ реальнымъ образованіемъ и натурализмомъ, представителемъ котораго явились химикъ Воскресенскій и будущій натуралистъ въ обществовѣдѣніи — Ковалевскій. Они и тогдашняя, пока еще безъ греческаго языка, классическая школа, примѣнявшая схоластическіе методы, говорили на разныхъ языкахъ. Отсюда такое ироническое отношеніе, объясняемое споромъ между двумя направленіями. Дарвинъ, Либихъ, Оствальдъ и др. всѣ—непримиримые враги классическаго образованія. Споръ этотъ, какъ извѣстно, споръ и нашихъ дней. Передъ нами мемуары другого

средняго ученика той же гимназіи, болѣе молодого современника Ковалевскаго, неизвѣстнаго автора; обязанные своимъ появленіемъ упомянутому отрицательному отношенію будущаго ученаго къ третьей гимназіи. Искреннія, благожелательныя, они написаны съ цѣлью реабилитаціи гимназіи—которая, конечно, тутъ не при чемъ. Она шла и вела въ общей системѣ тогдашнихъ требованій, по одобреннымъ свыше учебникамъ, составленнымъ подъ вліяніемъ „ученыхъ" же современныхъ теорій. Мемуары подкупаютъ читателя своею сердечностью. Но, противъ воли автора, также являются обвинительнымъ приговоромъ не дѣятелямъ школы, названнымъ здѣсь по именамъ, — чего у Ковалевскаго нѣтъ, — а схоластическимъ основамъ гимназическаго образованія. „Мы люди жизни, а не ученаго кабинета... растериваемъ по дорогѣ много знаній, вынесенныхъ не только изъ гимназій, но даже изъ университета. Я когда то зналъ, —пишетъ авторъ, — по порядку всѣхъ Капетинговъ, начиная отъ Гуго Капета, съ годами ихъ царствованія, и всѣхъ Плантагенетовъ, чѣмъ отличился на экзаменѣ въ 6-омъ классѣ. А знаю ли я хоть одного изъ нихъ теперь. Я слушалъ латынь, но ablativus absolutus и accusativus cum infinitivo со мною ни разу не встрѣтились впослѣдствіи... Я, впослѣдствіи, слыхалъ много рѣчей прямыхъ и косвенныхъ, наблюдалъ даже, какъ часто подъ вліяніемъ обстоятельствъ, прямыя рѣчи переходятъ въ косвенныя, но съ латинскими oratio recta и oratio obliqua не встрѣчался".

Слѣдуюшія слова—этого же лауреата,—внѣ сомнѣнія, крикъ сердца. „О, Господи—думалось мнѣ-хоть безъ медали, да только скорѣе на волю".

Результатъ упомянутаго спора между реализмомъ и классицизмомъ, представленнаго здѣсь, такъ сказать, на живыхъ лицахъ, опредѣлится тенденціей развитія человѣчества. 18 вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ раціональной философіи, 19 вѣкъ-историзма. 20-й, кромѣ того, есть и будетъ вѣкомъ естествознанія, которое сильно своимъ методомъ, получившимъ названіе научнаго. Онъ обновитъ, оживотворитъ гуманитарныя науки предшествующихъ вѣковъ. Мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ даже непримиримая философія украшаетъ себя эпитетомъ „научная". Такую попытку, вслѣдъ за своимъ учителемъ Каченовскимъ, и началъ М. М. Ковалевскій въ области соціальныхъ наукъ. Въ университетѣ его тотчасъ потянуло на факультетъ, гдѣ онъ могъ удовлетворить запросы, съ какими мы знакомы уже въ дошкольномъ образованіи. (Въ своихъ воспоминаніяхъ М. М. говоритъ, что ему еще не было семнадцати лѣтъ и при поступленіи въ университетъ: пришлось хитрить) „Думалъ-я сперва избрать историческій факультетъ, но посѣщеніе первыхъ лекцій профессора Рославскаго—Петровскаго подавило во мнѣ это желаніе".

Къ какому времени относится это первое желаніе, изъ воспоминаній не видно. Между тѣмъ въ гимназическихъ документахъ мы прочли прошеніе поданное директору еще до поступленія

въ университетъ—28 апрѣля 1868 года. Оно гласитъ: „Желая поступить въ число студентовъ юридическаго факультета И. Х. Унив., имѣю честь покорнѣйше просить Ваше В-іе о допущеніи меня къ вступительному испытанію. Къ сему прошенію ученикъ седьмого класса Максимъ, Максимовъ сынъ, Ковалевскій руку приложилъ“. Можно замѣтить, что любовь къ исторіи, зародившаяся еще до средней школы, сказалась въ тяготѣніи къ соотвѣтствующему факультету, гдѣ профессоры встрѣтили слушателя перечисленіемъ съ каѳедры фараоновскихъ именъ 32 династій. чтеніемъ лѣтописи in extenso и пр. Въ результатѣ — схоластика, царившая тамъ, отшатнула юношу. Болѣе пригоднымъ оказался живой, хотя менѣе дававшій историческаго матеріала, юридическій факультетъ. На юридическомъ факультетѣ сознавали тогда этотъ недостатокъ. Въ журналахъ тѣхъ лѣтъ мы нашли факультетское постановленіе: ввести преподаваніе всеобщей исторіи, по почину декана Ивана Петровича Сокальскаго, котораго съ признательностью вспоминаетъ М. М... Въ журналѣ съ обычнымъ канцелярскимъ заголовкомъ: „слушали“ излагается: «заявленіе Ив. П. о пользѣ и необходимости введенія въ курсъ юридическихъ наукъ преподаванія Всеобшей исторіи, какъ основы обществовѣдѣнія, для чего,—говорится далѣе,—въ настоящее время представляется возможность принять необходимыя мѣры, такъ какъ профессоръ Петровъ уже изъявилъ готовность прочесть курсъ, въ которомъ въ органической связи представлены были

бы главнѣйшіе моменты историческаго развитія древняго и новаго міра. Члены факультета, вполнѣ раздѣляя мнѣніе о пользѣ и необходимости введенія преподаванія Всеобщей исторіи, какъ вспомогательнаго предмета въ юридическомъ факультетѣ, постановили» и пр. Здѣсь, на юридическомъ факультетѣ, привлекъ его Каченовскій—украшеніе и гордость факультета. Съ первой же лекціи профессора у слушателя явилось желаніе неофита сдѣлаться такимъ же ученымъ[1]. Университетъ далъ образованію новый смыслъ и жизни новую цѣль. Вольно и невольно путешествуя потомъ по Европѣ, Ковалевскій, по его собственнымъ словамъ, не встрѣчалъ лучшаго профессора, чѣмъ Каченовскій. Съ нимъ можно было сравнить развѣ Лабуле или Штейна. Особенно привлекала у Каченовскаго историческая часть курса. Яркія эпохи изъ жизни народовъ описывались на лекціяхъ съ большимъ воодушевленіемъ. Ковалевскій какъ-то вспоминалъ въ бесѣдѣ, что уже самъ, сдѣлавшись профессоромъ Московскаго университета, какъ-то, не успѣлъ заранѣе подготовиться къ лекціи. Передъ отходомъ наскоро заглянулъ въ курсъ Каченовскаго, гдѣ излагалась исторія первой англійской революціи, и съ досадой закрылъ. Шестидесятые годы кончились Лекція Каченовскаго не могла быть прочтена въ аудиторіи московскаго университета эпохи реакціи. Сильнѣйшее вліяніе Каченовскаго заставляетъ подробнѣе остановиться на воззрѣніяхъ учителя и его личности. Любимый учитель дѣйствуетъ на

[1]) Ср. ст. 4.

подсознательное „я“ ученика своею личностью, не только своимъ интеллектомъ, т. е. передачей знанія. Какъ человѣкъ — Каченовскій былъ обаятеленъ. Какъ профессоръ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи (см. „Взглядъ на исторію политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи 1862 года) указалъ на необходимость юристамъ государствовѣдамъ использовать методологическіе пріемы естествознанія. Только усвоивъ принципъ закономѣрности соціальныхъ явленій, эти ученые, по его мнѣнію, не перестанутъ походить на бѣгущихъ за китайскими тѣнями. Иначе, довольствуясь нормативной техникой, уповая на свою практическую смѣтку, имъ остается быть лишь цеховыми законниками момента. Государство, не временное и мѣстное, но всемірно историческое явленіе подлежащее наблюденію, какъ и всякое другое. Изъ этого явствуютъ симпатіи французскому позитивизму и англійскому индуктивизму въ примѣненіи къ соціальной наукѣ. Каченовскій одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе своихъ учениковъ, въ томъ числѣ Ковалевскаго, на этнографическія изслѣдованія, какія въ то время начали появляться въ Англіи. Англійскіе ученые принялись изучать первобытныя племена и ихъ правовый укладъ въ своихъ колоніальныхъ земляхъ и Америкѣ. Имя Сомнера Мена Ковалевскій впервые услышалъ отъ своего учителя. Каченовскій, бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ Герценомъ, являлся „нескрываемымъ западникомъ“ и славянофильство считалъ не какой-то провиденціальной,

глубоко философской и самобытной теоріей, а историческимъ моментомъ, „пережитымъ и отброшеннымъ передовыми народами самосознанія запада". Добавимъ, что, благодаря Каченовскому, Харьковъ, сопоставлялся съ Берлиномъ, Нью-Іоркомъ, Женевой, Гентомъ иностраннымъ ученымъ международникомъ, какъ городъ, гдѣ почти одновременно возникла идея кодификаціи международнаго права.

Лекціи Каченовскаго, по словамъ Л. Л. Гиршмана, являлись *общеобразовательными* для всей харьковской студенческой молодежи. Въ то время, говоритъ онъ, солнце всходило для насъ не съ востока, а съ запада. Каченовскій приподнялъ край завѣсы передъ наукой запада. Онъ былъ не только истолкователемъ ея, а, какъ мы видѣли, равноцѣннымъ творцомъ. Менѣе всего Каченовскій склоненъ былъ вводить въ науку права нѣмецкую метафизическую философію и ея пріемы мышленія. Надо сказать, нѣмецкая метафизика прошла безслѣдно и мимо его ученика.

Общественную личность Каченовскаго характеризуетъ слѣдующій эпизодъ. Попечитель учебнаго округа отнесся къ нему съ „предложеніемъ" —отправиться въ Петроградъ для участія въ разработкѣ проекта университетскаго устава, подготовлявшагося тогда въ министерствѣ. Понадобился делегатъ и отъ харьковскаго университета. Профессоръ отвѣтилъ, что отправится делегатомъ отъ университета, если будетъ избранъ для этого совѣтомъ. Попечитель нашелъ охотника обошедшагося и безъ такихъ полномочій—цивилиста

Пахмана. Въ заключеніе еще одна характерная родственная черта учителя и ученика. Каченовскій не былъ юристомъ, какъ не сдѣлался имъ Ковалевскій, который иногда говорилъ, что онъ на $^2/_3$ историкъ учрежденій и идей. Впрочемъ по сравненію съ учителемъ кругозоръ ученика значительно расширился двумя областями, соціологіей и политической экономіей [1]).

Каченовскій замѣтилъ даровитаго студента. Когда онъ началъ бывать въ домѣ матери М. М., возвратясь оттуда, однажды, сказалъ, что сегодня онъ бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ—будущей красой русской науки.

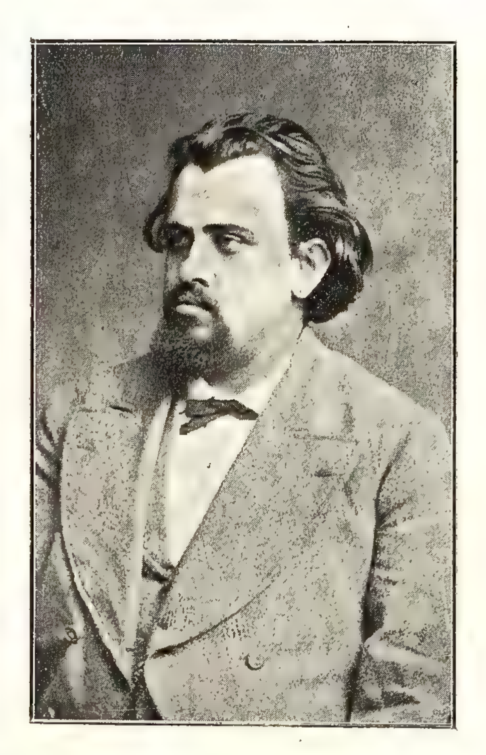
М. М. Ковалевскій и профессора факультета знали, что Каченовскій оставитъ его при кафедрѣ государственнаго права европейскихъ державъ. Наступившая болѣзнь, вскорѣ оборвавшая благородную жизнь профессора, вѣроятно, помѣшала выполненію всѣхъ необходимыхъ формальностей. Поэтому офиціально Ковалевскій очутился въ нео-

---

[1]) Въ этой области онъ началъ пополнять еще студентомъ свое самообразованіе въ научно-экономическомъ кружкѣ, составившемся тогда въ Харьковѣ. Первыми экономическими знаніями Ковалевскій обязанъ профессорамъ юридическаго факультета Сокальскому, читавшему, по словамъ М. М., едвали не первый въ Россіи курсъ политической экономіи и Цитовичу, тогда послѣдователю Лассаля, ознакомившему своего слушателя съ Кантомъ и Прудономъ. Для характеристики тогдашняго интереса къ политической экономіи можно привести встрѣченное нами въ дѣлахъ факультета мнѣніе послѣдняго о дисс. доц. Цитовича: „Деньги въ области гражданскаго права“ Ф-тъ отмѣчаетъ въ работѣ трудность и новизну предмета, избраннаго авторомъ, сближеніе двухъ сторонъ экономической и правовой, чѣмъ усложнилась задача анализа и пр. (1873 г.).

предѣленномъ положеніи. Этимъ объясняется, вѣроятно, слѣдующее разнорѣчіе.

Въ автобіографіи М. М. говоритъ, что его оставилъ при университетѣ Каченовскій, однако документальныя данныя указываютъ, что оффиціально оставленіе сдѣлано по представленію профессора А. Н. Стоянова. Официальный документъ гласитъ. «Въ засѣданіи факультета, состоявшемся 14 числа сего 1873 февраля мѣсяца профессоръ А. Н. Стояновъ вошелъ съ заявленіемъ объ оставленіи кандидата г-на Ковалевскаго стипендіатомъ по предмету государственнаго права Европейскихъ державъ. При чемъ прочтена была рецензія диссертаціи, представленной г. Ковалевскимъ для полученія степени кандидата правъ, и заявлено было о постоянныхъ его занятіяхъ въ теченіи университетскаго курса, обращавшихъ на себя вниманіе многихъ изъ преподавателей, въ томъ числѣ профессора Д. И. Каченовскаго; при чемъ произведена была баллотировка, послѣ которой оказалось балловъ *избирательныхъ пять, неизбирательныхъ—ни одного.* Юридическій факультетъ, на основаніи выше изложеннаго, имѣетъ честь ходатайствовать передъ Совѣтомъ университета объ оставленіи г-на Ковалевскаго стипендіатомъ по предмету государственнаго права европейскихъ державъ». (Дѣло Архива Х. У. № 48. 22-го февраля 1873 года). Офиціально зарегистрированъ также слѣдующій фактъ. М. Ковалевскій подалъ въ 1876 г. прошеніе о допущеніи его къ испытанію на степень магистра го-

М. М. Ковалевскій въ эпоху подготовленія къ профессурѣ.

(На портретѣ рукою матери помѣчено: «Меранъ $\frac{26}{14}$ февраля 1876 года»).

сударственныхъ наукъ, и факультетъ опредѣлилъ допустить его къ тому, по предварительному разсмотрѣнію и одобренію установленныхъ экзаменаціонныхъ программъ. Но Ковалевскій держалъ экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Можно думать: смерть Каченовскаго сдѣлала разрывъ въ его отношеніяхъ къ факультету. По крайней мѣрѣ, проф. А. Н. Стояновъ долго не могъ забыть „измѣны“ М. М. Ковалевскаго.

VII.

Подготовленіе къ профессурѣ.

Когда „незабвенный учитель“, какъ называетъ Каченовскаго М. М. Ковалевскій, сошелъ въ могилу, незамѣнимость утраты сказалась и въ другомъ отношеніи. Профессоръ А. Н. Стояновъ, также работавшій въ области этнологической юриспруденціи и сравнительной исторіи права—былъ здѣсь скорѣе краснорѣчивымъ лекторомъ, чѣмъ монографическимъ изслѣдователемъ. Молодой аспирантъ самъ уже обладалъ выдающееся эрудиціей. Его требованія были велики. Ему, какъ и всякому начинающему ученому, дороги первоначальныя указанія техники и методовъ самостоятельной работы, что невосполнимо однимъ литературнымъ освѣдомленіемъ. Напротивъ, одно перегруженіе эрудитивнымъ матеріаломъ создаетъ опасную угрозу оригинальности. Нерѣдко бываетъ,

что научное сознаніе походитъ въ этомъ случаѣ на черезчуръ удобренное поле: оно даетъ колосья безъ сѣмянъ.

Вѣдь въ подвалахъ науки сложена покрытая пылью мудрость, бывшая ею для своей эпохи, но не всегда для всѣхъ временъ. Какъ полезно пораньше научиться распознавать грань той и другой. И не пресыщая умъ первой, изощрить его въ методахъ достиженія и пониманіи второй. У М. М. не осталось руководителя, удовлетворявшаго его запросы. Этимъ рѣшенъ былъ вопросъ о поѣздкѣ заграницу. М. М. Ковалевскій, мы видѣли, съ филологическаго ушелъ на юридическій къ Каченовскому, проникновенному живымъ духомъ современной науки. Какъ разъ обратное случилось въ берлинскомъ университетѣ. Здѣсь историко-филологическій факультетъ далъ ему то, чего не далъ юридическій. На послѣднемъ въ преподаваніи исторіи права царила прусско-юнкерская и націоналистическая тенденція Гнейста, а въ теоріи—догматическая схоластика, повитая философской абстракціей наивысшаго напряженія — наслѣдница правой гегеліанства. Ковалевскій же еще съ лекцій проф. Гаттенбергера вынесъ изъ харьковскаго съ университета кантіанскія симпатіи. На историческомъ же отдѣленіи берлинскаго университета большой пользой для себя онъ выслушалъ курсъ лекцій проф. Нитча по общей исторіи учрежденій. И лекціи Гнейста не прошли безслѣдно. Его, если можно такъ выразиться, отрицательная полезность оказалась не лишней въ инкубаціонный

періодъ научнаго періода. Всегда важно знать не только куда слѣдуетъ, но и куда не надо итти. Citius emergit veritas ex errore, quam ex confusione. (N. org. II. 20 Бэконъ).

Основныя мысли Гнейста объ аристократической основѣ англійскаго самоуправленія, о правовомъ государствѣ—какъ особенности юридическаго творчества національнаго германскаго генія, въ связи съ административной юрисдикціей, были подвергнуты Ковалевскимъ провѣркѣ при помощи архивныхъ изысканій сначала во французскихъ архивахъ, затѣмъ въ Англіи. Ни Germania docens, ни Collège de Françe, ни Ecole de droit, не дали молодому ученому искомаго.

Въ академическихъ центральныхъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій сферахъ Франціи господствовала юридическая схоластика, отсутствовалъ вкусъ къ изученію источниковъ права, въ философіи царилъ экклетизмъ. Не удовлетворила его, если можно такъ выразиться, нѣмецкая technische Schulung. Искомый навыкъ самостоятельной работы дала ему Ecole des chartes, руководимая Альфредомъ Мори; работа въ архивахъ французскихъ провинцій, гдѣ мѣстныя академіи, въ свое время, процвѣтали, какъ иниціаторы собиранія матеріала и очаги научной работы. По этому поводу нельзя не замѣтить, что политическая централизація, локализирующая главныя правовыя учрежденія въ столицахъ—какъ пережитокъ просвѣщеннаго абсолютизма—влекла, да и влечетъ за собою и централизацію научныхъ учрежденій.

Въ столицахъ обыкновенно сосредоточены оффиціальныя академіи. Между тѣмъ на примѣрѣ работы Ковалевскаго, видно значеніе областныхъ теоретическихъ ученыхъ учрежденій. Какъ полезна была бы регенерація такихъ учрежденій, особенно въ Россіи, при начавшейся и здѣсь дифференціаціи ученаго отъ преподавателя. Какъ много теряетъ прогрессъ научной культуры отъ того соединенія, противъ воли, преподавательскихъ и ученыхъ обязанностей, которое заставляло, напр., Пастера читать въ Дижонѣ лекціи по физикѣ ученикамъ лицея, т. к. матеріальная нужда принудила его занять каѳедру физики. Ж. М. Гюйо выразилъ подобное пастеровскому положеніе вещей на языкѣ моралиста, сказавъ: чувство невыполненной задачи, неосуществленнаго идеала мучаетъ и преслѣдуетъ почти также, какъ сознаніе нравственнаго паденія. Ницше прочтя эту фразу написалъ на поляхъ своего экземпляра книги Гюйо: „Мое собственное существованіе въ Базелѣ (гдѣ онъ былъ угнетенъ преподаваніемъ филологіи) [1]. Трудно сомнѣваться, что нужда въ такихъ областныхъ академіяхъ — институтахъ, (назовите какъ хотите) назрѣла для блага науки. Чистые теоретики — изслѣдователи

[1]) Нелишне вспомнить, что переживалъ онъ, если автобіографически говоритъ въ A. Sch. Z. 183. Zu lange sass meine Seele hungrig an ihrem Tische; nicht, gleich ihnen, bin ich auf das Erkennen abgerichtet wie auf das Nüsseknacken.

Freiheit liebe ich und die Luft über frischer Erde; lieber noch will ich auf Ochsenhäuten schlafen, als auf ihren Würden und Achtbarkeiten. Denn diess ist die Wahrheit: ausgezogen bin ich aus dem Hause der Gelehrten, uud die Thür habe ich noch hinter mir zugeworfen.

могли бы находить мѣсто приложенія своей работы именно въ нихъ, здѣсь равно могли бы продолжать свой трудъ и достойные, окончившие свой преподавательскій срокъ профессора,—здѣсь могли бы находить научное освѣженіе актуальные преподаватели, здѣсь созидались бы традиціи научнаго труда и находили себѣ руководственный пріютъ молодые будущіе ученые. Послѣдніе въ Россіи, зачастую—безпризорные, да и въ другихъ странахъ. Ихъ обыкновенно ведутъ профессора-преподаватели, занятые иногда до нельзя, особенно теперь, своей текущей учительской, административной, „коммиссіонной" работой. Созданіе мѣстъ для подготовительной работы молодыхъ ученыхъ теперь особенно важно въ моментъ количественнаго роста высшихъ учебныхъ заведеній и при недостаткѣ преподавательскихъ силъ, которыхъ готовитъ заграница. Странѣ не можетъ быть не дорогъ прогрессъ чистой науки, отъ которой сейчасъ идутъ многочисленныя нити во всѣ сферы практической жизни.

Кромѣ выработки у себя научной техники М. М. Ковалевскому посчастливилось во Франціи въ другомъ отношеніи. Въ Парижѣ онъ познакомился съ профессоромъ Лучицкимъ, посвятившимъ тогда свои силы изслѣдованію кальвинизма. По словамъ Ковалевскаго, онъ первый свелъ начинающаго товарища въ отдѣленіе рукописей „Bibliotheque Nationale". Личность ученаго, его методы работы оказали немалое вліяніе на Ковалевскаго. Какъ говорили послѣ недавней кончины Лучицкаго, „съ молодыхъ лѣтъ до бѣлыхъ волосъ донесъ

онъ любовь къ свѣту и свободѣ, бодрый дѣйственный идеализмъ, послѣдовательную преданность идеямъ позитивизма. У него гармонически уживались: твердый научный методъ, ненависть къ мистико-метафизическимъ увлеченіямъ, безукоризненная корректность въ профессіональномъ быту, неизмѣнныя добрыя отношенія со студентами, неспособность на политическіе компромиссы".

Слѣдя за французскимъ періодомъ научной подготовки, нельзя пройти еще мимо одного кружка, съ которымъ Ковалевскій былъ въ духовномъ родствѣ. Этотъ кружокъ группировался около позитивистическаго органа,— гдѣ писалъ и М. М.,— „Журнала положительной философіи".

Русскіе молодые ученые имѣли во Франціи крѣпкое соединяющее звено въ лицѣ замѣчательнаго человѣка Григорія Николаевича Вырубова. Воспитанникъ лицея, давшаго своему питомцу званіе „титулярнаго совѣтника", G. Wyroubofi становится незауряднымъ химикомъ кристаллографомъ, редакторомъ перваго по времени философскаго журнала, [1]) участникомъ коммуны 1870 г., задушев-

[1]) Философскій журналъ Фихте, гдѣ въ первомъ № можно найти критику „Revue" вышелъ позднѣе. Лучше всего журналъ и отношеніе его характеризуется словами самаго Ковалевскаго. Какое въ нихъ богатство содержанія и сколько именъ, оставившихъ слѣдъ въ наукѣ, литературѣ и политикѣ! Тутъ и Литрэ, и Тиндаль, и Гекторъ Дени, и Помпери, и Ареа, и Клемансъ Ройэ, и фонъ-Тертюи. и Віоле-ле-Дюкъ, и Лесли, и Стифенъ, и Маркъ Режисъ, и де-Роберти, и Дюбостъ,—теперешній президентъ французскаго сената, и Дюбаръ, и Ноэль, и психологъ Полганъ, и Ипполитъ Стюпюи. Почти въ каждой книгѣ печатаетъ и Вырубовъ статьи по такимъ отвѣтственнымъ темамъ, какъ „Матеріализмъ и позитивизмъ", „Замѣтки о критической философіи".

нымъ другомъ Герцена; онъ первый русскій получаетъ кафедру исторіи наукъ послѣ Пера Лафита ученика Конта, въ „Collège de France“.

Вмѣстѣ съ благодарной памятью о своемъ учителѣ онъ сохранилъ любовь къ реальной учености, и самостоятельность оригинальнаго позитивиста. Позитивизмъ, какъ методъ, особенно привлекателенъ для молодого ученаго незараженнаго тѣмъ, что французы вслѣдъ за Пастеромъ называютъ les idèes preconcues.

Онъ побуждаетъ изучать явленія, а не аристотелевскія, аквинатовскія и другія понятія вплоть до гегелево-діалектическихъ. Какъ смотрѣли на позитивизмъ его приверженцы, можно судить по словамъ, бывшаго съ М. М. въ близкомъ научномъ общеніи, П. Лаврова: (Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе). „Позитивизмъ заключаетъ въ себѣ лишь постановку вопросовъ“ „уясненіе условій“ для отвлеченнаго, философскаго знанія. Стремленіе позитивистовъ къ научному знанію проглядываетъ уже въ томъ, что оба соредактора философскаго журнала были извѣстными учеными не въ области разработки понятій, а въ наукахъ, успѣхи которыхъ признаютъ и современные искатели философскаго существа [1]). При всѣхъ недочетахъ позитивизма, эта его сторона отмѣчается нами, какъ весьма характерная для созданія настроенія, когда ищутъ, а потомъ опредѣляютъ. Вліяніе личности

---

[1]) Послѣ Вырубова кафедру занялъ антропологъ Манувріе. Въ вѣнскомъ университетѣ эту кафедру занималъ Эрнстъ Махъ.

Вырубова лучше всего характеризуется словами М. М. Ковалевскаго, написанными по поводу смерти этого ученаго и философа, не единственнаго даннаго Россiей Францiи.

Мы, молодежь, вспоминаетъ про себя Ковалевскiй, благоговѣли передъ нимъ и въ то же время боялись его. Привлечь къ себѣ симпатiи тѣми ласковыми словами, на которыя такъ щедры французскiе „causeur'ы", ни мало не входило въ его расчеты; онъ былъ рѣзокъ и прямъ, необыкновенно находчивъ въ полемикѣ и въ то же время всегда искрененъ и хорошо „подкованъ". Отъ него подчасъ уходили съ нѣкоторымъ раздраженiемъ, но въ то же время съ увѣренностью, что не все то, что вамъ казалось яснымъ и несомнѣннымъ, вполнѣ заслуживаетъ такой оцѣнки. Ему удавалось пробить брешь въ логическомъ построенiи, которое ранѣе казалось вамъ неприступной крѣпостью. А какъ полезно въ молодые годы найти такую „бритву", скажетъ вамъ всякiй прошедшiй перiодъ „выработки убѣжденiй" и установки правильнаго мiросозерцанiя". Изъ первой вступательной лекцiи Вырубова на кафедрѣ исторiи наукъ Ковалевскiй, бывшiй на ней, запомнилъ, что проф. указывалъ на тѣсную связь республики и позитивной философiи, отрѣшившейся отъ теологiи и метафизики.

Слѣдующiй и послѣднiй этапъ научной подготовки М. М. Ковалевскаго—въ Англiи. Въ то время здѣсь жилъ Марксъ, ученикомъ котораго онъ называетъ себя. Благодаря концепцiи экономи-

ческаго матеріализма передъ будущимъ историкомъ права, политическихъ идей и учрежденій открылось значеніе соціальной подосновы каждой изъ этихъ изслѣдуемыхъ областей. Въ Англіи онъ нашелъ и богатый фактическій матеріалъ. Но еще важнѣе, что здѣсь французскій позитивизмъ имѣлъ убѣжденныхъ адептовъ и оригинальныхъ продолжателей. М. М. Ковалевскій вступилъ съ ними въ близкое научное общеніе. Англійскіе ученые, такъ сказать, натурализовали обществовѣдѣніе. Милль поставилъ вѣхи, указалъ методологическія формы. Онъ разработалъ и примѣнилъ методологическіе пріемы, изучивъ эвристическую технику естествовѣдѣнія. Спенсеръ сдѣлалъ попытку наполнить эту позитивную схему философски синтезированнымъ реальнымъ содержаніемъ. Корневаль Льюисъ приложилъ естественный методъ къ изученію общества. Рядомъ явилась группа ученыхъ обществовѣдовъ какъ напр., Тайлора, нашедшихъ для своихъ наблюденій богатѣйшій живой человѣческій матеріалъ въ многочисленныхъ англійскихъ колоніяхъ. Соціологи обратились къ этнологіи, историки къ археологіи и архиву. Каковъ же смыслъ всего этого научнаго движенія въ соціальной наукѣ, — въ частности правовѣдѣніи, — въ самый фарватеръ котораго попалъ Ковалевскій за границей, продолжая держать курсъ, взятый еще въ харьковскомъ университетѣ подъ вліяніемъ Каченовскаго, отчасти Гаттенбергера? Лучше всего это можно выразить идеей, какой служилъ ученый журналъ, основанный Вс. Миллеромъ и М. М. Ковалевскимъ, по возвращеніи изъ заграницы.

«Если мы о чемъ нибудь не знаемъ, какъ оно образовалось, то и не понимаемъ его,»—гласила одна изъ постоянныхъ идей этого богатаго содержанiемъ журнала: «Критическаго обозрѣнiя». «Выводы о томъ, какъ совершалось формулированiе права, поведутъ къ выводамъ о томъ, какъ оно должно совершаться», писалъ впослѣдствiи сотрудникъ этого журнала проф. Муромцевъ.

Въ кругу разнообразныхъ научныхъ силъ, включая первостепенныхъ экономистовъ, проходитъ въ Англiи научная работа и жизнь Ковалевскаго. Она на рѣдкость богата встрѣчами и дружескими отношенiями съ большимъ количествомъ выдающихся людей, въ томъ числѣ русскихъ эмигрантовъ: Герцена, Бакунина и др.

Взоръ, брошенный на первый перiодъ заграничной работы молодого государствовѣда открываетъ особую черту въ характерѣ Ковалевскаго, съ теченiемъ времени ставшую болѣе четкой. Это свойство соцiабильности, тяготѣнiя къ общенiю съ общественными дѣятелями и учеными людьми и способность впитывать, какъ губка, всякое фактическое знанiе, встрѣтившееся на пути изученiя избранной и широко захваченной спецiальности, вѣрнѣе на пути нѣсколькихъ спецiальностей. Способность широкого наблюденiя, отъ котораго не ускользаетъ ни одно мало-мальски цѣнное научное открытiе, ни одно направленiе, ни его представители. У М. М. Ковалевскаго образуется какая-то неутолимая жажда науки, умѣнье черпать требуемое знанiе ex ipsa fonte.

Молодой ученый съ умомъ поразительной емкости столь же ревностно старался изучить правовую структуру, политическія тенденціи и самую соціальную жизнь, извлекая документы изъ пыли архивовъ, библіотекъ, сколь увлекаясь въ работѣ надъ фактами современной дѣйствительности и живой науки. Начиная съ этихъ временъ, громадный запасъ фактовъ сталъ наслаиваться въ умѣ обществовѣда, почти не имѣющаго себѣ равнаго ученаго собесѣдника и удивительнаго по мягкости, остроумію и находчивости неистощимаго разговорщика.

VIII.

Профессура и удаленіе отъ нея.

Годы заграничнаго пребыванія оказались сразу-же отмѣченными громаднымъ количествомъ работы. М. М. вернулся въ Россію сложившимся ученымъ, привезъ не только много сырого архивнаго матеріала, но и готовыя монографіи.

Изъ нихъ онъ уплатилъ „казенныя умственныя пошлины": защитилъ такъ называемыя „диссертаціи", т. е. прошелъ обычный стажъ до свободной науки. Во время него—и геніи науки въ своихъ обязательныхъ работахъ не дали ничего выдающагося, ни Мейеръ, ни Бунзенъ, ни Дэви —говоритъ ихъ ученый біографъ. Пребываніе заграницей было порой созрѣванія философскаго и методологическаго направленія, съ которымъ онъ оставилъ харьковскій университетъ. Укрѣпилось

сознаніе, что одно изученіе юридическихъ нормъ въ отрывѣ отъ условій дѣйствительной жизни—не полное научное образованіе для общаго теоретика и историка права. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать знаніе только закона самого по себѣ? По выраженію Цицерона, lex est mutuus magistratus. Чтобы понять законъ вполнѣ, надо видѣть процессъ его примѣненія т. е. изучать иную фазу, о какой говоритъ тотъ-же философъ-юристъ, фазу, когда наступаетъ обратное положеніе,—нѣмой законъ обращается въ magistratus loquens. Процессъ праворазвитія состоитъ не изъ механической замѣны одной нормы другой или рядовъ нормъ иными, а, такъ сказать, въ напластованіяхъ правосоціальной жизни, являющей реальную установившуюся координацію. Никто не станетъ утверждать, что такія напластованія представляются наброcанными, какъ безпорядочная груда камней. Историческій процессъ обнаруживаетъ послѣдовательно возникающія правовыя формаціи, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собой. Отсюда недалеко до заключенія о важности изученія этого процесса и для теорическихъ, и для практическихъ цѣлей, de lege ferenda. Такой методъ не позволяетъ историку права и соціологу удовлетвориться знаніемъ закона, безъ освѣдомленія о соціальныхъ антецедентахъ.

М. М. Ковалевскій тщательно изучилъ государственное право Европы. Но не ограничился усвоеніемъ только механизма современныхъ ему учрежденій. Глубже нѣкоторыхъ своихъ заграничныхъ учителей онъ, при помощи архивныхъ

данныхъ, заглянулъ въ соціально-экономическія фазы исторической жизни. Это помогло ему раскрыть и критически оцѣнить ошибочныя юридическія конструкціи признанныхъ тогда нѣмецкихъ авторовъ, какъ, напр., Рудольфа Гнейста.

М. М. Ковалевскій взошелъ на кафедру государственнаго права московскаго университета вооруженнымъ знаніемъ права, а не логически нанизанными, на метафизическій принципъ, точно на вертелъ, юридическими понятіями, чтобы поворачивать ихъ передъ слушателями на медленномъ лекціонномъ академическомъ огнѣ. И нечего распространяться, какъ пришлись въ версту тогдашней русской наукѣ и общественности лекціи молодого преподавателя. Такимъ прозвищемъ, „молодые преподаватели“ (теперь ихъ называютъ „младшіе преподаватели“), окрестилъ Катковъ группу молодыхъ ученыхъ московскаго университета, считавшихъ своимъ научнымъ долгомъ представить въ объективной картинѣ политическую, юридическую и экономическую эволюцію запада. Среди нихъ были Муромцевъ, Чупровъ, Дриль, взамѣнъ профессорскаго званія получившіе отъ радикальнаго реакціонера ироническое прозвище. Въ общественныхъ кругахъ Москвы ихъ и нѣкоторыхъ преподавателей Петровско-Разумовской академіи съ Иванюковымъ во главѣ стали называть „кружкомъ либеральныхъ профессоровъ“. Катковъ особенно не могъ простить московскому университету знаковъ уваженія, оказанныхъ Тургеневу и свалилъ всю вину на приватъ-доцентовъ. „Такова ужъ ихъ

судьба“, съ обычнымъ юморомъ говорилъ М. М. Ковалевскій, со словъ котораго мы приводимъ эти свѣдѣнія, „бытъ въ отвѣтѣ за старшихъ“.

Университетъ той эпохи съ такими учеными во главѣ сдѣлался «маякомъ среди наступившей темной ночи». Избытокъ умственной энергіи не позволилъ Ковалевскому ограничиться дѣятельностью ex cathedra, о которой компетентные современники, напр. В. М. Нечаевъ, (М. М. Ковалевскій Ж. М. Ю. 1916 № 4) отзываются съ большой похвалой. Онъ берется за карандашъ редактора и перо ученаго публициста, бесѣдующаго съ широкой публикой на страницахъ основаннаго имъ журнала „Критическое обозрѣніе“, нами цитированнаго. Вмѣстѣ съ В. Н. Лешковымъ и С. А. Муромцевымъ онъ становится и во главѣ другого спеціальнаго журнала „Юридическій Вѣстникъ“, изд. юридическимъ обществомъ при московскомъ университетѣ. И теперь страницы Юр. В. и Кр. Об. —первенца научной критики и библіографіи, встрѣчаютъ насъ своимъ богатымъ содержаніемъ. Въ послѣднемъ статьи различныхъ научныхъ областей историко-филологической, юридической, экономической. Онѣ подписаны именами выдающихся русскихъ ученныхъ того времени. Здѣсь —Муромцевъ, Коршъ, Фортунатовъ, Стороженко, Ключевскій, Карѣевъ и пр.. Велика была его цѣнность и значеніе при бѣдности тогдашней литературы. Но и сейчасъ это важный источникъ для будущаго историка русской соціальной науки. Журналъ издавался и редактировался совмѣстно

съ В. Ѳ. Миллеромъ. Съ нимъ же Ковалевскій совершилъ свои путешествія на Кавказъ, гдѣ съ увлеченіемъ производилъ свои наблюденія надъ правовой современной жизнью горцевъ, ихъ обычаями и пр. Плодомъ этихъ наблюденій явились извѣстные труды М. М. по эмбріологіи права. Рушатся многія юридическія, теоретическія постройки, но части этого научнаго фундамента исторіи права составленныя изъ „дикихъ камней“ Кавказа, по своей прочности, переживутъ ихъ.

Остались слѣды кипучей работы Ковалевскаго и въ этнографическомъ отдѣлѣ „Общества естествознанія антропологіи и этнографіи“. Здѣсь онъ секретарствовалъ, а потомъ сдѣлался товарищемъ предсѣдателя, обязанности котораго несъ В. Ѳ. Миллеръ. Ковалевскій принималъ дѣятельное участіе и въ общественной жизни Москвы. Онъ особенно сблизился съ профессоромъ Петровской академіи Иванюковымъ. „Кого только я не перевидалъ у Иванюкова: и Успенскаго, Михайловскаго, и Юрьева, и Боборыкина, и Шелгунова и Златовратскаго—вспоминаетъ онъ объ этой эпохѣ своей жизни. (Запросы жизни № 14, 1912 г. И. И. Иванюковъ ст. М. М. Ковалевскаго). Послѣ сказаннаго дѣлается понятнымъ, какъ этотъ блестящій ученый и общественный дѣятель долженъ былъ обратить на себя вниманіе офиціальныхъ и „офиціозныхъ“ лицъ, зорко и своеобразно слѣдившихъ за прогрессомъ русскаго просвѣщенія, науки и общественности. Въ числѣ офиціозныхъ былъ упомянутый выше Катковъ.

А въ числѣ оффиціальныхъ—министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ. Матеріальная и умственная независимость Ковалевскаго ставила его внѣ предѣловъ начальственнаго нажима. Вотъ почему послѣдовали крутыя мѣры. Впрочемъ, твердо рѣшивъ уволить „тлетворнаго профессора", Деляновъ попытался вступить въ „дипломатическіе" переговоры, на которые былъ "мастеръ". Онъ предложилъ, въ довершеніе негласной переписки, попечителю округа Капнисту убѣдить Ковалевскаго подать въ отставку. Капнистъ пробовалъ но безрезультатно. М. М. категорически заявилъ, что принять предложеніе г. министра совершенно не входитъ въ его намѣренія. Тутъ повторился случай подобный тому, какой постигъ и Лѣскова. Какъ и Ковалевскому—Лѣскову, служившему въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, послѣ аналогичныхъ переговоровъ, графъ предложилъ подать прошеніе объ отставкѣ. Произошелъ по этому поводу замѣчательный разговоръ чиновника съ министромъ, о которомъ недавно вспоминали. „Итакъ, вы не хотите подать прошенія?" „Пусть увольняютъ", сказалъ Лѣсковъ. „Для чего вамъ это нужно?" „Для некролога, для моего некролога, да и для вашего"... Подобный эпизодъ вошелъ и въ біографію Ковалевскаго. Его увольняютъ по знаменитому третьему пункту безъ „объясненія" причинъ. Характерная подробность: увольнительное свидѣтельство гласило о неимѣніи у означеннаго статскаго совѣтника М. Ковалевскаго никакой собственности, что наво-

дило владѣльца этого документа на печальныя размышленія о возможности иныхъ репрессій. М. М. серьёзно опасался конфискаціи имущества. Уволенный профессоръ сначала поселился въ своемъ имѣніи Двурѣчномъ Кутѣ, доставшемся ему послѣ смерти матери, похороненной въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Затѣмъ лишь, по прошествіи нѣкотораго времени, съ большимъ трудомъ и проволочками выхлопатываетъ заграничный паспортъ, въ которомъ губернская администрація Харькова долго отказывала. За границей онъ поселился около Ницы, куда и перевезъ часть своей библіотеки. Кстати сказать, библіотека его составлялась по цикламъ, опредѣлявшимся темами послѣдовательно предпринимаемыхъ работъ. Благодаря отставкѣ, въ погубленномъ профессорѣ съ удвоенной силой проявился ученый. Я попалъ, говоритъ онъ самъ, въ условія болѣе благопріятныя для безстрастной научной дѣятельности. Онъ пишетъ капитальные свои труды: Законъ и обычай на Кавказѣ, Современный обычай и древній законъ, Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, Происхожденіе современной демократіи и др. Мелкія статьи исчисляются десятками. Необыкновенная работоспособность, напоминающая продуктивность западно-европейскихъ ученыхъ, помимо, конечно, полной свободы, объясняется также и европейской регулярностью труда. Лицо, наблюдавшее его занятія въ деревнѣ, такъ описывало порядокъ дня. Все утро до ранняго обѣда уходило на занятія наукой. Послѣ отдыха,

работа продолжалась до ужина. Рано явившаяся подагра мѣшала писать Это заставило обратиться къ диктовкѣ и помощи секретаря. Помощь обратилась въ привычку, что еще болѣе ускоряло подготовленіе сочиненій къ печати. Работая въ кабинетѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе иногда громко разговаривать самъ съ собой. На всякій случай просилъ домашнихъ не безпокоиться и не принимать его за сумасшедшаго. Здѣсь, какъ и всегда о себѣ о своей жизни о своихъ удачахъ и неудачахъ, о своихъ противникахъ онъ говорилъ не иначе, какъ въ юмористическомъ тонѣ [1]).

---

[1]) Въ концѣ концовъ, и за границей, мощный запасъ силъ, любовь къ созидательной, культурной общественной дѣятельности желаніе притти на помощь такимъ же какъ онъ, болѣе молодымъ изгоямъ-побудили М. М. Ковалевскаго организовать первый свободный русскій университетъ на чужбинѣ. Съ научной стороны о происходившей тамъ работѣ даетъ представленіе сборникъ лекцій преподававшихъ тамъ профессоровъ. „Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ подъ редакціей проф. Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбарова я М. М. Ковалевскаго изд. Львовича С. П. 1905 года". И въ „своемъ университетѣ", казалось такъ удаленномъ отъ родины, уже начавшейся метаться подъ тяжестью внутреннихъ бѣдъ, онъ принужденъ былъ переживать отголоски ея событій. Въ своемъ обычномъ, миломъ юмористическомъ тонѣ онъ разсказывалъ пишущему эти строки, какъ студенты его парижской школы, прослышавъ о начавшейся революціи въ Россіи пришли къ нему на квартиру (13 Avenue de l'observatoire) и потребовали, чтобы онъ сталъ во главѣ ихъ и самолично повелъ на штурмъ русскаго посольства. И, дѣйствительно, безъ улыбки, нельзя было бы представить себѣ этого массивнаго, громаднаго человѣка съ его мягкой, немного насмѣшливой улыбкой, шествующимъ во главѣ экзекуціоннаго отряда по улицамъ Парижа по направленію rue de Grenelle.

Долгая жизнь за границей, въ обособленіи отъ родной страны, наложила свой отпечатокъ на Ковалевскаго, пріѣхавшаго въ 1905 г. на родину. По возвращеніи, первое время, было замѣтно его отличіе отъ людей одинаковаго съ нимъ политическаго образа мыслей. Находясь вдалекѣ отъ русскихъ впечатлѣній, онъ потерялъ ключъ къ пониманію настроеній, охватившихъ Россію въ эпоху второго ея бурнаго протеста. Вернувшись въ академическую среду, которая съ своей стороны реагировала на совершающійся переломъ, онъ казался первое время какъ бы отставшимъ. Мы говоримъ казался, потому что, въ сущности, эволюціонистъ [1]) по своимъ воззрѣніямъ, онъ отнесся съ осторожностью къ совершавшимся на его глазахъ событіямъ. Припомнимъ какъ мозаикообразно разслоилось русское общество въ эту эпоху. А извѣстно, что эпохи такихъ сильныхъ потрясеній обыкновенно богаты проявленіями политической дифференціаціи. И чѣмъ моложе въ этомъ отношеніи опытъ народа, тѣмъ центробѣжнѣе характеръ дѣятельности и непримиримѣе борьба общественныхъ группъ. Послѣднія даже противодѣйствуютъ другъ другу, что обыкновенно на руку вожделѣніямъ приверженцевъ стараго порядка. Почему понадобилось Ковалевскому хорошо изучившему этотъ процессъ, создать свою партію и свою программу? Этотъ вопросъ вмѣстѣ съ

[1]) Если такъ, то понятно его недовѣріе къ дѣйственности мгновеннаго соціально-политическаго переворота, который смелъ бы сразу, безъ борьбы, открытой или затаенной, старый порядокъ и на его мѣстѣ воздвигъ бы новый съ мгновенно приспособившимися людьми.

оцѣнкой политической дѣятельности Ковалевскаго, которую мы оставляемъ здѣсь безъ разсмотрѣнія, получитъ отвѣтъ отъ будущаго біографа. Съ своей стороны мы полагаемъ, что здѣсь должны быть приняты во вниманіе и научныя воззрѣнія Ковалевскаго, на нихъ мы и предполагаемъ остановиться въ заключеніе этихъ біографическихъ замѣтокъ.

Когда позднѣе во Франціи все болѣе и болѣе начало проявлять себя синдикальное движеніе съ его „action directe“, связанное съ генеральной конфедераціей труда, французскій журналистъ Франсуа Мори (Revue Bleu, № 5. Fevrier, 1912) обратился къ виднѣйшимъ политическимъ авторитетамъ съ вопросомъ: „достигъ ли синдикализмъ той степени могущества и стремительности, которая дѣлаетъ его опаснымъ для функціонированія и самого существованія парламентарскаго режима?“ На этотъ поставленный и ему вопросъ Ковалевскій далъ характерный для его воззрѣній отвѣтъ. Мы приводимъ его съ небольшимъ сокращеніемъ.

У васъ во Франціи, говорилъ онъ Мори, существуетъ поговорка, которая приводила меня въ ярость, когда я былъ молодъ, но которая теперь, когда я становлюсь старикомъ, все лучше и точнѣе выражаетъ способъ моего сужденія о людяхъ и вещахъ. Когда среди васъ какой-нибудь ораторъ или писатель выступаетъ со слишкомъ категорическими утвержденіями, вы сразу же окачиваете его душемъ холодной воды, произнося два отрезвляющихъ слова: „всякое бываетъ“.

Эта поговорка поможетъ мнѣ отвѣтить на поставленный мнѣ вами вопросъ: можетъ ли,—спрашиваете вы,—функціонировать болѣе или менѣе правильно или даже существовать парламентскій режимъ наряду съ быстрымъ ростомъ синдикализма?

Съ перваго взгляда, дѣйствительно, антагонизмъ между обѣими системами настолько очевиденъ, что онъ исключаетъ возможность какого бы то ни было соглашенія между ними, а слѣдовательно и параллельнаго ихъ развитія. Намъ говорятъ: представительный строй и его производное — парламентаризмъ — имѣютъ будущее подъ однимъ лишь условіемъ, если синдикализимъ навсегда останется только въ области мечтаній или, по крайней мѣрѣ, неосуществимыхъ плановъ. При этомъ забываютъ, что представительный строй предполагаетъ передачу правительственныхъ функцій, путемъ свободнаго выбора со стороны управляемыхъ, въ руки „meliores et legaliores homines de visnetu“. Долгое время ломали себѣ голову надъ вопросомъ: не исключалъ ли фатальнымъ образомъ представительный строй всякую идею референдума и—болѣе того—идею непосредственнаго обращенія къ законодательной иниціативѣ народа. Знаменитый нѣмецкій юристъ Рудольфъ Гнейстъ, который всего тридцать лѣтъ тому назадъ вполнѣ основательно считался крупнѣйшимъ авторитетомъ въ вопросахъ конституціоннаго права, заявлялъ всѣмъ спрашивавшимъ его, что административная децентрализація, свойственная Англіи, неизбѣжно исчезнетъ въ тотъ

день, когда крупное и мелкое дворянство утратитъ свою руководящую роль въ дѣлахъ графствъ, когда мировые судьи, вышедшiе изъ его рядовъ и безвозмездно исполняющiе свои должности, освободятся отъ своихъ многочисленныхъ обязанностей, которыя въ другихъ мѣстахъ возложены на префектовъ и ихъ совѣты, а также на департаментскихъ избранниковъ—на членовъ генеральныхъ совѣтовъ. Однако это не помѣшало англiйскому мѣстному самоуправленiю получить новый импульсъ къ развитiю въ совѣтахъ графства, составленныхъ изъ выборныхъ членовъ, получающихъ опредѣленное жалованье.

Даже такiе выдающiеся люди, какъ Карлъ Фогтъ, демократъ и очень извѣстный ученый, нѣкогда облеченный въ 1848 г. въ знаменитомъ Франкфуртскомъ парламентѣ саномъ имперскаго штатгальтера, считали референдумъ настоящей опасностью какъ для демократiи, такъ и для прогресса. Но это не помѣшало ни постепенному введенiю референдума во всѣ кантоны Швейцарiи, ни упроченiю демократiи на почвѣ мѣстныхъ учрежденiй. Швейцарiя не стала болѣе реакцiонной послѣ того, какъ народу было предоставлено непосредственно голосовать законы и выносить свои приговоры относительно новыхъ законовъ, уже вотированныхъ мѣстными представительными собранiями.

Въ настоящее время намъ грозятъ опасности не только со стороны синдикализма. На очереди стоитъ также вопросъ, не грозитъ ли исчезновенiемъ

М. М. Ковалевскій въ эпоху удаленія отъ профессуры.

(Firenze).

Общая просьба къ всей редак-
-ціи "Утра" и въ частности къ
проф. Фатѣеву и Риттеру до-
ставить возможность

Ваш М. Ковалев

парламентскому режиму введеніе системы пропорціональныхъ выборовъ. Бельгія, которая, наряду съ Англіей, была „обѣтованной землей“ конституціоннаго режима, собственнымъ опытомъ доказываетъ совершенно противоположное. Однако, разногласія, и особенно во Франціи, продолжаются, и политическія партіи пользуются ими то для обостренія борьбы съ своими противниками, то для сохраненія власти въ своихъ рукахъ. Съ синдикилизмомъ повторится то же, что было съ пропорціональными выборами, съ референдумомъ, съ законодательной иниціативой народа и т. д., и т. д.

Послѣ продолжительнаго обсужденія вопроса о томъ, допускаютъ ли существующія учрежденія возможность признанія за такими-то и такими-то новыми соціальными силами права оказывать свою долю политическаго вліянія, самыя эти учрежденія будутъ измѣнены для того, чтобы приспособить ихъ къ новымъ требованіямъ. И на этотъ разъ отъ подобной операціи лишь выиграютъ какъ демократія, такъ и прогрессъ [1]).

IX.

М. М. Ковалевскій въ теоріи права.

Въ наукѣ приложимы и цѣнны различнаго рода усилія, выходящія за предѣлы овладѣнія техникой и эрудиціей. Прилагающіе ихъ ученые дѣлятся на двѣ категоріи. Одни, по образному

1) «Запросы жизни».

выраженію Ренана, обрекаютъ себя для блага будущаго на грубое ремесло чернорабочаго. На то, чтобы какъ лошадь не видѣть ничего, кромѣ борозды, какую она прокладываетъ, на кропотливую монографическую работу, какою продвигается наука впередъ.

Другіе болѣе счастливы. Въ своихъ монографическихъ изслѣдованіяхъ достигаютъ пункта, съ котораго могутъ пріобщать свои открытія къ общей научной теоріи, дополняя ее, видоизмѣняя или даже революціонизируя.

Они бываютъ одарены различной степенью способности къ синтезу, начиная частичнымъ и кончая всеобъемлющимъ [1]).

Ученый, обладая синтетическимъ умомъ, рѣдко не охватывается желаніемъ восходить отъ своей спеціальности къ самымъ общимъ законамъ своей отрасли или даже всей науки, связывать свои открытія съ ними, провѣрять ихъ ими и обратно, словомъ поставить свое дѣло (если оно укладывается) въ переспективѣ современной научной картины.

„Чѣмъ болѣе приближаешься, говорилъ М. М. Ковалевскій,—въ повѣствованіи о своемъ научномъ и литературномъ скитальчествѣ,—къ тому роковому перелому, съ котораго начинается одряхленіе, тѣмъ сильнѣе чувствуется потребность свести

---

[1]) Мы не говоримъ о философахъ и философіи. Философія всегда была траспонировкой знанія въ общія идеи. Какъ ни абстрактны эти идеи, все же онѣ рѣдко шли дальше той ступени, до которой дошло положительное знаніе человѣчества. Философы были лишь идеологическими кристализаторами и синтетиками этого знанія.

во едино результаты своихъ работъ, дать систематическое выраженіе своимъ мыслямъ. Этотъ періодъ уже наступилъ для меня. На 44 году жизни пора подумать уже о томъ, чтобы оставить по себѣ нѣчто цѣльное, а не однѣ лишь разрозненныя попытки выставить новыя или оживить старыя гипотезы. Къ тому же русская читающая публика нуждается болѣе всего въ такихъ синтетическихъ работахъ". Незадолго до этого онъ приступилъ къ своему капитальному труду о происхожденіи современной демократіи. Затѣмъ этотъ пятитомный трудъ смѣнился другимъ. Появился: „Экономическій ростъ Европы въ періодъ, предшествующій развитію капитализма" (3 т.). Въ 1905 году, когда онъ уже вернулся въ Россію, осенью, выходитъ книга посвященная наукѣ,—увѣнчивающей контовскую научную іерархію,—соціологіи. Въ „Современныхъ Соціологахъ" онъ разсматриваетъ психологическую, натуралистическую, экономическую, антропо-соціологическую и географическую школы соціологіи. Онъ переходитъ отъ критики къ обработкѣ этой науки въ своемъ послѣднемъ двухтомномъ крупномъ сочиненіи, названномъ „Соціологія". Здѣсь обработанъ матеріалъ, какой собиралъ политическій мыслитель, историко-экономистъ и соціологъ въ теченіе своей жизни. И М. М. Ковалевскій. если не считать этой частичной попытки, такъ и не осуществилъ предположенія свести воедино результаты своихъ работъ. О причинахъ этого мы выскажемъ ниже свое предположеніе. Послѣ 1905 г., отдавъ родинѣ

свой опытъ государствовѣда, публициста, онъ былъ далекъ отъ дряхлости, которая, по Софоклу, въ довершеніе жизни нась поджидаетъ. Всѣмъ ненавистная, хмурая осень, чуждая силы и игръ и веселья старость, обитель горя. Наоборотъ, его старость — обитель напряженнаго многоцвѣтнаго и многоцѣннаго труда, сопровождавшагося жизнерадостностью, несокрушенной вѣрой въ силу науки. Какъ и Мечниковъ, онъ полагалъ, что „только положительное знаніе способно вывести человѣчество на вѣрный путь". Позитивистъ [1]) съ молодости, въ наукѣ права онъ шелъ рядомъ съ тѣми, кто какъ, напр., Муромцевъ, отрѣшились отъ мысли примѣнять супранатуралистическій и метафизическіе методы къ правовѣдѣнію въ частности и къ соціологіи.

„По мѣрѣ секуляризаціи политики, богословскія рѣшенія соціальныхъ вопросовъ вообще, и въ частности вопроса о возникновеніи частной собственности, уступаютъ мѣсто метафизическимъ.

Какъ во всѣхъ метафизическихъ рѣшеніяхъ, такъ и въ настоящемъ ошибка заключается не въ томъ, что въ основаніе теоріи взяты несуществующіе факты, а въ томъ, что этимъ фактамъ придано ни мало не отвѣчающее имъ значеніе первичной и единичной причины міроваго явленія". Такъ писалъ М. М., еще въ 1879 г., [2]) т. е. когда автору не было тридцати лѣтъ.

---

[1]) Ковалевскій не оставался рабскимъ подражателемъ Конта.

[2]) Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія І. М. 1879.

Что касается правовѣдѣнія, то, разумѣется, господствующія здѣсь теоріи божественнаго императива и метафизической доктрины естественнаго права также не могли не найти противника въ лицѣ Ковалевскаго. Въ особенности метафизическая доктрина естественнаго права съ ея представленіемъ объ абсолютной справедливости и прирожденныхъ человѣку правахъ, слывущихъ подъ названіемъ „правъ естественныхъ“. Ихъ первообразомъ Ковалевскій считаетъ римское ius gentium, эпоха появленія котораго создала и ученіе о правѣ, какому природа обучила всѣхъ живущихъ. Нѣкоторые изъ современныхъ юристовъ, говоритъ онъ, не прочь оживить это ученіе. Право, дѣйствительно, ищетъ критерія. Нравственная метафизика окрестила его пышнымъ названіемъ естественнаго закона. Ту доктрину, какая явилась въ оппозиціи къ естественному праву и нанесла ему первый ударъ Ковалевскій признавалъ узкой и ударъ ея слабымъ.

Національный духъ исторической школы оказывался родственнымъ предполагаемымъ, но не изученнымъ сущностямъ, съ которыми боролся позитивизмъ.

Націонализмъ школы не могъ объяснить универсальныхъ однородныхъ проявленій права, вскрытыхъ историко-сравнительнымъ методомъ. Однородность правовыхъ институтовъ у различныхъ народовъ имѣла предпосылкою мысль, „что человѣкъ повсюду является съ одинаковыми качествами, что потребности и способности различныхъ

расъ отличаются другъ отъ друга лишь въ частностяхъ и что даже эти отличія сглаживаются по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ первобытному состоянію человѣчества"..... „сторонники историко-сравнительнаго метода смотрятъ на человѣческое общежитіе, какъ на нѣчто единое". Кромѣ того, они воспользовались біологическимъ закономъ эволюціи, установленнымъ Дарвиномъ и примѣнили его къ теоріи права и вообще изученію соціальныхъ явленій. Этнографическія наблюденія, сдѣланныя Ковалевскимъ на Кавказѣ подъ вліяніемъ изученія работъ Моргана, Мэна, Тайлора (методъ пережитковъ) и др., позволили и ему говорить о возможности построенія новой вѣтви обществовѣдѣнія, названной эмбріологіей права. Изученіе обычаевъ кавказскихъ горцевъ дало въ результатѣ описаніе юридическихъ фактовъ въ связи ихъ между собою и съ вызвавшими ихъ условіями. Древнее право позволило ему искать и находить „тѣ посредствующія звенья, безъ знакомства съ которыми невозможно возстановленіе того темнаго процесса, послѣдствіемъ котораго было зарожденіе первичныхъ юридическихъ институтовъ". (Современный обычай и древній Законъ Т. I. 5—6).

Отсюда вытекала и оказывалась небезосновательной надежда представить генетически естественную исторію человѣческихъ обществъ (Историко-сравнительный методъ).

Сравнительная исторія права, сравнительная этнографія, миѳологія, (сравнительная исторія рели-

гій) постепенно могутъ накопить данныя, которыя, будучи сопоставлены съ выводами біологіи и психологіи, создаютъ возможность къ устраненію разноречій, существующихъ между представителями этихъ отдѣльныхъ частныхъ соціальныхъ дисциплинъ. Не откроется ли тогда путь къ построенію абстрактной науки объ обществѣ? Здѣсь выступаетъ роль соціолога: „свести въ систему эти односторонныя и невсегда исчерпывающія его любознательность частичныя обобщенія" и притти „такимъ путемъ къ построенію ученія о природѣ и развитія общественности". Замѣтимъ съ своей стороны: доказательства возможности, необходимости, тѣмъ болѣе долженствованія новой науки не такъ убѣдительны, какъ результаты ея. Соціологія же не вышла еще изъ собиранія фактовъ и гипотезаціи. Планъ дома и запасы камней еще не домъ. Въ соціологіи онъ только начатъ постройкой.

Все же соціологическія воззрѣнія объясняютъ критику, данную еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ Ковалевскимъ гегеліанскому методу, въ исторіи общихъ теорій о правѣ и государствѣ у Б. Н. Чичерина — его предшественника по кафедрѣ въ Московскомъ Университетѣ. „Наши исторіи политическихъ ученій," прямой задачей которыхъ было бы освѣщеніе излагаемыхъ ими теорій одновременными ихъ появленію событіями политической и умственной жизни народовъ, не даютъ намъ въ этомъ отношеніи ровно ничего. Какъ маріонетки выступаютъ въ нихъ одинъ за другимъ тѣ или

другіе политическіе писатели, являясь одни безусловными защитниками идеи свободы, другіе—авторитета, третьи—закона, четвертые—какой-то смутно понимаемой самимъ авторомъ общей цѣли.“ [1]) Эта критика повторяется четверть вѣка спустя въ трехтомномъ сочиненіи по исторіи политическихъ ученій. Оно вышло подъ заглавіемъ: „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“. Въ немъ, на дѣлѣ, былъ осуществленъ положительный методъ изслѣдованія исторіи политическихъ ученій, какъ отраженіе роста государства.

Это неоконченное сочиненіе, вслѣдствіе пожара типографіи въ 1905 г., гдѣ сгорѣла рукопись оригинала четвертаго тома, можетъ быть отчасти восполнено интересной статьей М. М. Ковалевскаго: „Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ 19 вѣка“, помѣщенной въ рѣдкомъ теперь сборникѣ „Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ“. Лекціи профессоровъ напечатаны подъ редакціей профессоровъ Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и самого автора въ 1905 г.

Мы видѣли, что Ковалевскій отказываетъ метафизической доктринѣ естественнаго права въ притязаніи дать критерій оцѣнки права. Онъ не видитъ разрѣшенія той же задачи и въ названной Нейкампомъ Entwickelungsgeschichte des Rechts.

---

[1]) Критическое обозрѣніе. № 13. стр. 17. По поводу новаго сочиненія о Локкѣ.

И полагаетъ, чтобы найти такой критерій, дѣйствительно надо изучать поступательный ходъ положительнаго права. Его самого такое изученіе привело къ убѣжденію, что упомянутый ходъ обусловленъ ростомъ гражданственности [1]). Значеніе же этого роста можетъ дать намъ только соціологія и въ частности, соціальная динамика, а не одна даже сравнительная исторія права.

Соціальная жизнь едина. Ее сначала даже трудно расчленить методологически. Всякій правовой государственный фактъ есть въ то же время и соціальный, одновременно онъ можетъ быть и моральнымъ, и въ немъ же не трудно бываетъ иногда разсмотрѣть экономическій субстратъ, иногда онъ психическое переживаніе.

Этимъ объясняется, что піонеръ юридико-соціальной науки долженъ пробиваться черезъ всѣ эти „породы“ человѣческаго общежитія. И, прокладывая свой путь, онъ сталкивается то съ соціологіей, то политикой, то съ моралью, то съ экономіей, то съ индивидуальной и соціальной психологіей. Онъ долженъ быть почти одновременно специалистомъ

---

1) Онъ ставитъ въ упрекъ нѣмецкимъ юристамъ что они утратили сознаніе той связи, въ какой право стоитъ съ ростомъ культуры и гражданственности.

Идея внутренняго развитія и тѣсной зависимости, существующей въ каждый данный моментъ между правомъ и экономическимъ, общественнымъ, политическимъ и религіозно-нравственнымъ укладомъ, повидимому осталась чуждой составителямъ кодекса... Пренебреженіе исторіей повело къ опущенію законодателемъ всякого рода соціальныхъ задачъ, къ отказу отъ малѣйшей попытки дать юридическое выраженіе общественнымъ тенденціямъ современности.

или, по крайней мѣрѣ, научно освѣдомленнымъ въ каждой изъ упомянутыхъ областей и соціологомъ, и государствовѣдомъ, и нравоописателемъ, и экономистомъ и историкомъ умственной культуры (идей), и матеріальной культуры (этнологомъ)—всеобщимъ историкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выступило въ юриспруденціи соціологическое направленіе, ставшее на ряду, съ историческимъ и догматическимъ, создалось мнѣніе, что соціологи являются противниками догматиковъ. Это мнѣніе создали сами догматики, особенно юристы метафизики. Явленіе знакомое исторіи наукъ. Метафизики юристы также борятся съ соціологами юристами, какъ когда то алхимики боролись противъ химиковъ, которыхъ они же были предшественниками. Напротивъ, со стороны соціологовъ не было и нѣтъ отрицанія значенія ни догматики положительнаго права, ни тѣмъ болѣе значенія исторіи права и тѣмъ болѣе это не значитъ, что между всѣми этими направленіями не возможно сотрудничество и помощь.

„Что такое догма, спрашиваетъ Ковалевскій, какъ не возможно-логическая передача дѣйствующаго права, не заключающаго въ себѣ самомъ никакого критерія для своей пригодности въ настоящемъ и путей дальнѣйшаго развитія“. [1]).

---

[1]) Соціологія какъ наука должна развиваться, по мнѣнію М. М., на основѣ той предпосылки, бывшей завѣтной мыслью М. М. Ковалевскаго, по его собственнымъ словамъ-что въ соотвѣтствіи со сложностью общественныхъ явленій должно быть принято указаніе на одновременное и паралельное воздѣйствіе и противодѣйствіе многихъ причинъ. Онъ указывалъ на одностороность теорій, изъ коихъ каждая сводитъ все многообразіе

Этотъ недостатокъ не затѣняетъ, по его мнѣнію, значенія догмы права, какъ источника изученія соціальной жизни. При томъ источника, содержащаго наиболѣе точно зафиксированные ея моменты, съ извѣстной стороны.

Если, напр., принять во вниманіе, что въ каждомъ изъ историческихъ моментовъ имѣется отрѣзъ совокупности нормъ права, обрабатываемыхъ догматически, то послѣдовательно разсматривая наслоенія такихъ отрѣзовъ, мы и получаемъ исторію права въ одной изъ ея возможныхъ, формъ. Проф. Виноградовъ говоритъ: „Послѣдовательный «историзмъ» взглядовъ Ковалевскаго отдѣляетъ его до извѣстной степени и отъ юристовъ-аналитиковъ,—напримѣръ, отъ С. А. Муромцева,— съ которыми онъ имѣлъ такъ много общаго по философской оріентаціи и по политическимъ воззрѣніямъ. Отрѣшенная отъ конкретныхъ наблюденій «теорія права» не привлекала нашего ученаго. Это не мѣшало ему слѣдить за проявленіями правовой идеологіи, поскольку они являются

общественныхъ условій къ единому центральному фактору, которымъ можно объяснить все.

По нашему мнѣнію, М. М. Ковалевскій, критическое отношеніе къ мнѣніямъ котораго не входитъ здѣсь въ нашу задачу, не подвергъ болѣе тщательному анализу эту отрасль юридическаго вѣдѣнія.

Догмѣ, чтобы научно не быть слѣпой, конечно, нужна перспектива соціальнаго развитія и направленія этого развитія. Ни одинъ догматикъ и не обходится безъ нея въ подосновѣ своего научнаго творчества, въ своемъ, такъ сказать, подсознательномъ научномъ „я“. Соціологическое, историческое изученія права помогаютъ сознательнымъ усиліямъ къ постиженію требуемой перспективы.

показателями состояній и стремленій даннаго общества. Хотя, такимъ образомъ, позитивный историзмъ былъ какъ бы родной стихіей для Ковалевскаго, но онъ сознательно проводилъ границу между своимъ методомъ и пріемами чистыхъ историковъ. Мнѣ случалось слышать не одинъ разъ, какъ онъ подчеркивалъ элементъ «источниковѣдѣнія» въ смыслѣ критической разработки матеріаловъ въ работѣ присяжныхъ историковъ. Въ этомъ смыслѣ на него произвели большое впечатлѣніе изслѣдованія и преподаваніе Фюстель де-Куланжа. Для себя и для подобныхъ ему юристовъ онъ ставилъ задачей обработку фактовъ съ точки зрѣнія проявлявшихся въ нихъ принциповъ. Въ этомъ отношеніи онъ отдавалъ преимущество юридической техникѣ съ ея стремленіемъ къ опредѣленности положеній и къ расчлененію характерныхъ признаковъ".

X.

М. М. Ковалевскій—выдающійся ученый.

„Богоравный", миѳическій герой, осѣненный силами свыше, личность-дѣятель исторіи въ противоположность пассивной толпѣ, наконецъ, просто человѣкъ, выдвинувшійся въ первые ряды культуры—такова судьба жизнеописаній „великихъ". Для современнаго біографа дѣятельность, дающая право на эпитетъ „выдающійся", „великій" не пере-

стаетъ быть естественнымъ явленіемъ, подлежащимъ научному методу изслѣдованія. Онъ все же плодотворнѣе, чѣмъ назидательный методъ отнесенія къ цѣнностямъ тѣхъ, кто на самомъ дѣлѣ только противопоставляетъ прикладное знаніе созерцанію ученаго (θεωρια). Развѣ всякая наука не есть результатъ культуры ума? Съ другой стороны, не замыкаютъ ли законы человѣческаго ума длинный рядъ остальныхъ законовъ природы,—въ широкомъ смыслѣ слова, законовъ космическихъ? Не та же ли жизнь вселенной бьется въ тончайшихъ клѣткахъ мозга? При положительномъ отвѣтѣ на эти вопросы, позитивистъ,—какимъ былъ и М. М. Ковалевскій,—все же признаетъ, что въ пониманіи вселенскаго колеса жизни не только далеко до завершенія теоретическаго круга, но часто,—особенно въ физіологической психологіи,—до нахожденія и сцѣпленія промежуточныхъ звеньевъ. Благодаря наукѣ, все же они обрисовываются яснѣе и яснѣе. Болѣе точныя наблюденія позволяютъ сдѣлать заключеніе и о выдающемся культурномъ дѣятелѣ, какъ человѣкѣ, направленіе дѣятельности котораго опредѣляется инстинктомъ „удавшагося разрѣшенія". Эта дѣятельность иногда поражаетъ, какъ у М. М. Ковалевскаго, весьма большимъ коэффиціэнтомъ „полезной работы".

Выдающійся ученый есть прежде всего выдающійся умъ. Основой его дѣятельности служитъ избытокъ мозговой силы. Она дѣлаетъ трудъ ученаго трудомъ за все человѣчество, какъ раньше была молитва за все человѣчество. И не

правы, кто морально порочитъ науку. Проявленіе технически злыхъ примѣненій нельзя смѣшивать съ теоретическими безкорыстными принципами въ основѣ этихъ примѣненій [1]). Чѣмъ объясняется этотъ избытокъ? Вотъ вопросъ, темный еще до сихъ поръ.

Что абсолютный вѣсъ мозга здѣсь не причемъ, указываетъ сравнительная таблица вѣса мозга выдающихся людей. Въ распространенной таблицѣ, гдѣ крайнія цифры 1207 гр. (вѣсъ мозга д-ра Döllinger'а) и 2012 грам. (вѣсъ мозга Тургенева), цифра 1360 гр.—чистый вѣсъ обоихъ полушарій мозга М. М. Ковалевскаго— приближается къ среднему вѣсу мозга обыкновеннаго человѣка (1400 гр.) Выводъ становится еще показательнѣе, если вспомнить, что вѣсъ головного мозга принято разсматривать въ прямо пропорціональномъ отношеніи къ вѣсу всего тѣла, который у М. М., какъ извѣстно, былъ очень великъ. Болѣе пріемлема гипотеза, объясняющая избытокъ умственной энергіи объемомъ поверхности мозговыхъ полушарій: энергія проявленій ума тѣмъ больше, чѣмъ болѣе абсолютный коэффиціентъ соотвѣтственной части поверхности. Увеличеніе поверхности зависитъ отъ большого количества мозговыхъ извилинъ или складокъ. Анатомическая картина мозга М. М. Ковалевскаго подтверждаетъ такое обобщеніе. Изслѣдованіе обнаружило больше извилинъ въ лѣвомъ полушаріи. Особенно развитыми оказался задній

---

[1]) См. Ар. Фатѣевъ „Позитивная наука и ея нѣкоторые критики“.

отдѣлъ нижняго выхода извилины лѣваго полушарія. Согласно френологическимъ наблюденіямъ, эти извилины характерны для развитія рѣчевыхъ функцій. Измѣреніе темени М. М. Ковалевскаго указываетъ на богатство эрудиціи. (Къ сожалѣнію, мы пользуемся здѣсь лишь неполными свѣдѣніями относительно результатовъ вскрытія, произведеннаго ак. Бехтеревымъ. Будущій біографъ приметъ во вниманіе весь актъ вскрытія).

Переходя къ примѣрамъ прежнихъ размышленій надъ той же проблемой, видишь, какъ кропотливо, трудно и долго подводится точной наукой фундаментъ подъ нѣкоторыя прежде сдѣланныя обобщенія.

Еще философы эпохи возрожденія, напр., Бэконъ, позднѣе Паскаль задумывались надъ явленіемъ великихъ умовъ, классифицируя ихъ то по результатамъ, то по характеру интелектуальной работы. Мы встрѣчаемъ уподобленіе однихъ ученыхъ, собирающихъ и открывающихъ новые факты трудолюбивымъ муравьямъ, другихъ—создающихъ концепціями своего ума научные законы паукамъ, которые ткутъ изъ себя паутину или пчеламъ, переработывающимъ въ медъ соки цвѣтовъ. Бѣдность изслѣдованій по этому вопросу легко объяснима умственной работой, протекающей, по утвержденію Паскаля, въ молчаніи. Своими результатами она доступна всѣмъ, а ея внутренняя естественная дѣятельность понятна немногимъ. Сдѣлавъ такое замѣчаніе, французскій мыслитель объясняетъ типы этой дѣятельности природными свой-

ствами ума. Паскаль даетъ свою классификацію умовъ. Первый типъ—умъ геометрическій, склонный къ абстракціямъ, къ исканію принциповъ. Второй—склонный къ точному наблюденію деталей, называемый имъ тонкимъ (de finesse). Геометры рѣдко способны къ тонкимъ наблюденіямъ, а люди способные къ нимъ рѣдко бываютъ геометрами. Если геометры начинаютъ прилагать свои пріемы къ тонкимъ наблюденіямъ, переходя отъ опредѣленій къ принципамъ, они дѣлаются смѣшными. Въ умѣ перваго типа Паскаль видитъ силу и трезвость, второго — обширность. Одинъ родъ можетъ быть безъ другого. Одинъ можетъ быть сильнымъ и узкимъ, другой—обширнымъ и слабымъ.

Современнаго біографа, подходящаго къ тому же явленію, интересуетъ не только классификація, но и причинная обусловленность различія. Оствальдъ (Die Grossen Männer) подходитъ прежде всего съ біогенетической стороны. Согласно его выводу, отпрыскъ обнаруживаетъ культурную актуальность въ проявленіи свойствъ потенціально или дѣйствительно имѣвшихся у родителей, только въ меньшемъ масштабѣ и при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Великій ученый выходитъ обыкновенно изъ средняго соціальнаго слоя [1]). Высшій и низшій менѣе благопріятны. Великій ученый-творецъ новаго. Его величіе измѣряется оригинальностью.

Одни своими идеями революціонизируютъ науку, другіе дѣлаютъ открытія, ведущія къ

[1]) Ср. происхожденіе Ковалевскаго.

коренному перевороту. Первыхъ Оствальдъ называетъ романтиками, вторыхъ классиками. Въ основѣ его классификаціи—древній психологическій фундаментъ: знаменитая теорія четырехъ темпераментовъ. Романтики-сангвиники, классики флегматики. (Холерики и меланхолики-переходные типы). Романтики, скоро развиваясь, рано созрѣваютъ. Рано появляется ихъ великое дѣло. Остальную жизнь они разрабатываютъ идеи изъ заготовленнаго обширнаго фонда молодости. Быстрота ихъ работы обусловлена стремленіемъ освободиться отъ множества обуревающихъ плановъ и замысловъ. Романтики не придаютъ значенія внѣшней формѣ. Они общительны, любятъ преподаваніе и склонны къ нему. Кругъ ихъ учениковъ широкъ. Они бываютъ рано признаны и пользуются извѣстностью еще при жизни. За то ихъ удѣлъ ранняя изнашиваемость и ученая инвалидность. Вторые развиваются медленнѣе, медленно работаютъ, поздно появляется ихъ великое дѣло. Работа ихъ долго вынашивается. Отличается кропотливымъ, исчерпывающимъ характеромъ и совершенствомъ формы. Классики неохотно придаютъ ее тисненію. Она часто оцѣнивается послѣ смерти автора, за то долго не теряетъ своего научнаго вѣса. Живутъ они уединенно, имѣютъ мало учениковъ, при чемъ рѣдкіе изъ нихъ ихъ удовлетворяютъ.

Не останавливаясь на разборѣ этой чрезвычайно интересной книги Оствальда, замѣтимъ, что интеллектуальная дѣятельность ученаго поставлена имъ въ причинную зависимость исключительно

отъ эмоціоннаго характера. При такой постановкѣ, по нашему мнѣнію, остается въ тѣни самое magnum opus, которое даетъ право на высокій титулъ. Дерево узнается по плодамъ его. Оствальдъ, полагаетъ, напримѣръ, что соціологъ долженъ быть скорѣе сангвиникомъ — романтикомъ, математикъ — флегматикомъ — классикомъ.....

Предлагаемая нами классификація имѣетъ своимъ основаніемъ и объясняется структурой и функціональной дѣятельностью высшей нервной центральной системой, а не темпераментомъ т. е. не эмоціональной только, а интеллектуальной личностью. Не отрицая значенія темперамента, главнымъ образомъ для объясненія склонности къ преподаванію, подготовкѣ, выполненію, формѣ великой работы и пр. надо имѣть въ виду, что большая или меньшая успѣшность творчества выдающагося ученаго зависитъ и отъ иныхъ житейскихъ условій. Но magnum opus есть прежде всего всегда результатъ ума, т. е. мышленія. Мышленіе, въ чемъ согласны теперь физіологи, есть большее или меньшее областное раздраженіе клѣтокъ полушарій, начальный моментъ котораго—раздраженіе той или другой поверхности нашего тѣла (органы чувствъ). Отъ раздраженій, при соприкосновеніи съ познаваемыми объектами, получаются въ мозгу рефлексы, результатъ рецепторной дѣятельности нервной системы. Кромѣ рецептора (анализаторъ), акад. Павловъ [1])различаетъ кондуктора (контакторъ, замыка-

[1]) См. его замѣчательный докладъ, приготовленный къ несостоявшемуся съѣзду психіатріи, неврологіи, и психологіи въ Швейцаріи 1914 г.

тель) и эффектора (производитель дѣйствія). Такова, по его мнѣнію, аналогія анатомическаго субстрата для двухъ основныхъ дѣятельностей, которыми характеризуется высшій отдѣлъ центральной нервной системы, т. е.—замыканіе новыхъ и временныхъ связей между внѣшними явленіями и работою различныхъ органовъ и разложеніе организмомъ сложности внѣшняго Міра на отдѣльности, короче, дѣятельности замыкательнаго и анализаторнаго аппаратовъ.

При описаніи нервной дѣятельности, говоритъ онъ же, «приходится постоянно считаться съ абсолютной и относительной силой разныхъ раздраженій и длительностью скрытыхъ остатковъ раздраженій. То и другое выступаетъ совершенно отчетливо въ опытахъ—и безъ особеннаго труда подлежитъ изученію и измѣренію. Больше того: можно сказать, что здѣсь поражаетъ это господство закона силы и мѣры и невольно приходитъ въ голову: не даромъ математика—ученіе о числовыхъ отношеніяхъ цѣликомъ выходитъ изъ человѣческаго мозга.» Если примѣнить смыслъ этихъ наблюденій авторитетнаго ученаго къ интересующей насъ темѣ, то нельзя ли предположить, что два характерныхъ типа выдающейся интеллектуальной дѣятельности объяснимы физіологически. Одна характеризуется постоянной потребностью во внѣшнихъ стимулахъ, т. е. въ притокѣ все новаго и новаго фактическаго матеріала. Для ея плодотворныхъ результатовъ типична главнымъ образомъ работа рецепторнаго аппарата. Въ этомъ

случаѣ, умъ, возвышаясь до частичныхъ обобщеній, гипотезъ, питается и живетъ конкретными воздѣйствіями внѣшняго міра, включая и соціальную среду. Другой типъ, умъ съ болѣе развитымъ контакторомъ—замыкательнымъ аппаратомъ. Онъ также, конечно,. не можетъ обойтись безъ фактовъ Изучаемые факты оставляютъ однако длительные слѣды рефлексовъ. Со временемъ образуется запасъ абстрактныхъ представленій и понятій.

Свойство этого ума—приведеніе упомянутаго запаса замкнутыхъ рядовъ въ порядокъ. Человѣкъ, смыкая закономѣрно дѣйствующее вселенское колесо жизни и на своемъ собственномъ организмѣ, стремится къ аналогу теоретическаго порядка понятій и въ своемъ умѣ. Интеллектуальный багажъ оказывается состоящимъ какъ бы изъ рядовъ, принявшихъ характеръ бесусловныхъ рефлексовъ. Поэтому всякій новый условный рефлексъ, попадая въ эту систему, быстро въ ней прилаживается. Такъ созидается научная и философская строго замкнутая система. Напротивъ, умъ съ развитымъ анализаторнымъ аппаратомъ весь въ исканіи новыхъ фактовъ, а для этого требуетъ все большаго и большаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, такъсказать,—внѣдренія въ природу. Число фактовъ внѣшняго міра громадно и такой умъ, чтобы не оказаться подавленнымъ, быть плодотворнымъ, инстинктивно предпочитаетъ работу съ какой либо однородной группой фактовъ. Умъ,—если можно такъ выразиться,—анализаторнаго, рецепторнаго типа находится подъ вліяніемъ эксостимуловъ.

Умъ замыкательнаго типа болѣе способенъ къ эндостимулированію, къ самовнушенію, оплодотворяющими мозговыя насажденія новыми общими идеями, идеями вмѣстѣ и организующими.

Система и—въ ея основѣ—систематизирующая идея, ограничивая познанное отъ непознаннаго, заключаетъ въ себѣ элементъ узости и съ иной стороны. Она—сокращеніе числа степеней свободы, т. е. возможностей. Вмѣсто нихъ умъ склоненъ къ созданію, абстрактныхъ, безусловныхъ ограниченій.

Законы, въ научномъ смыслѣ и суть вѣдь ограниченія возможностей, при ожидаемомъ наступленіи явленій. Систематизирующій умъ, по типу своей дѣятельности, иногда кажется узкимъ A parte post судьба всякой системы дѣлаться узкой, если открыты новые противорѣчащіе ей факты.

Наоборотъ, умъ, напрягающій мышцы своего рецепторнаго аппарата, есть умъ непредубѣжденный, широкій, чаще способенъ на случайныя великія открытія. Иногда открытіе одного какого либо новаго факта можетъ перевернуть искусно построенную систему или установленный раньше законъ. Чистые типы этихъ умовъ встрѣчаются рѣдко. Отъ каждаго изъ нихъ, черезъ промежуточныя разновидности, благодаря комбинаціи ихъ свойствъ въ разныхъ степеняхъ, идетъ линія вплоть до возможности рѣдкаго ума съ высокимъ развитіемъ обоихъ гармонически сотрудничающихъ аппаратовъ. Такой умъ можетъ восходить отъ самыхъ точныхъ наблюденій надъ мельчайшими

подробностями до построенія абстрактныхъ, обобщающихъ системъ [1]).

Теперь поставимъ вопросъ, на который легко, намъ кажется, дать отвѣтъ.

Какой изъ этихъ типовъ ума можетъ болѣе влiять на массу учениковъ и современниковъ?

Безъ сомнѣнія умъ систематизирующій. Ученики и современники увлекаются идеями и системами, которыя, минуя кропотливое изученіе фактовъ или даже простое ознакомленіе съ ними, при усвоеніи, создаютъ для себя впечатлѣніе, что постигнуто самое ихъ реальное содержаніе. Отсюда понятенъ фактъ, останавливающій вниманіе историка идей -непреоборимое вліяніе на современниковъ построеній вродѣ системы Гегеля. Бываетъ впрочемъ: новыя идеи оказываются трудно воспріимчивыми. Большинство современниковъ еще не подготовлено, не въ состояніи продѣлать глубокую интеллектуальную работу, на какую способенъ сильно развитой замыкающій аппаратъ выдающагося ума [2]) Иныя трудныя идеи лишь позднѣе оплодотворяютъ умы слѣдующихъ поколѣній и только немногихъ современниковъ. Среди послѣднихъ скорѣе возникаетъ оппозиція, доставляя тяжелыя минуты творцу этихъ идей. (Къ сожалѣ-

---

[1]) Какъ на примѣръ такого ума можно указать на Мечникова. Отправляясь отъ своихъ бактеріологическихъ изслѣдованій и наблюденій надъ флорой кишечника, онъ пришелъ къ выводамъ, изложеннымъ въ извѣстныхъ философскихъ очеркахъ „Essais optimistes“, „Etudes sur la nature humaine“.

[2]) Достаточно напомнить имена Римана, Эйнштейна, Минковскаго, Лобачевскаго.

нію, и въ наукѣ есть люди, которые, унижая заслуги другихъ, думаютъ, что тѣмъ какъ бы возвышаютъ себя). Изслѣдователи, открывая новые факты, не возбуждаютъ такого противодѣйствія. Сюда относятся слѣдующія мысли изъ письма Либиха своему ученику. Онъ совѣтуетъ не предаваться теоретическимъ спекуляціямъ: онѣ не доставятъ дружбы ни одного ученаго, воззрѣніямъ которыхъ онѣ будутъ служить подкрѣплееніемъ, но зато доставятъ ему сотни враговъ. Факты, все новые факты: это единственныя прочныя не преходящія заслуги—таковъ совѣтъ учителя натуралиста, желавшаго обезопасить жизненный путь своего ученика.

Нельзя однако не замѣтить, что и романтики и собиратели—открыватели новыхъ фактовъ, и тонкіе, широкіе, слабые умы, съ другой стороны классики, творцы паутинныхъ и „медовыхъ" системъ, узкіе и сильные умы, будучи сопоставлены съ умами анализаторнаго и контактнаго типовъ, могутъ представить изслѣдователю точки схода.

М. М. Ковалевскій принадлежитъ къ умамъ анализаторнаго, рецепторнаго типа. Еще въ дошкольномъ возрастѣ—мы видѣли—онъ увлекался исторіей и этнографіей. Расширеніе знаній, творческая работа въ этихъ областяхъ—фактическомъ фондѣ соціальной науки—съ годами крѣпли. Вспомнимъ научную подготовку, протекавшую въ настойчивомъ кропотливомъ изученіи сырого архивнаго матеріала, поѣздку на Кавказъ изучать право осетинъ и др. горцевъ, бастіановскій Völ-

kerkundemuseum, — пантеонъ этнографіи — предметъ живѣйшаго интереса, частыхъ осмотровъ, изученія М. М. Ковалевскимъ. Любое сочиненіе, любая статья, лекція, рѣчь въ законодательныхъ камерахъ, — nourris de fait, какъ говорятъ французы.

Не случайно, что у этого удивительнаго знатока соціально политическаго всемірнаго опыта любимымъ методомъ было историческое сравненіе. Разбирая юридическій институтъ или законопроэктъ, не въ примѣръ заурядным политикамъ, Ковалевскій читалъ не „отходную" или „акафистъ" — его выраженіе. Онъ производилъ сначала исчерпывающій историческій анализъ, такъ угнетавшій иныхъ членовъ „высокаго собранія" — „не нуждающагося въ вашихъ лекціяхъ", какъ часто говорилъ ему предсѣдатель этого собранія Акимовъ. Напр., передо мною стенографическая запись его рѣчи въ государственномъ совѣтѣ о волостныхъ судьяхъ и земскихъ начальникахъ. Она полна жизненными примѣрами и ссылками на англійскаго, правильнѣе англосаксонскаго Shiregeref'a, courts leet, германскіе Amtsgericht'ы, выборныхъ рахимбуровъ, предшественниковъ шефеновъ, органы низшей бельгійской юстиціи и пр. и потомъ уже данъ суровый приговоръ.

Не случайно М. М. беретъ себѣ въ руководители позитивизмъ, особенностью котораго, по мнѣнію его учителя друга Лаврова, является отрицаніе возможности философской системы. Съ его стороны вызываетъ къ себѣ неизмѣнно критическое отноше-

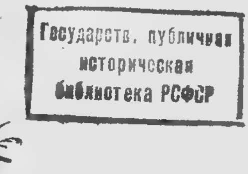
ніе теоріи, построенныя на догадкахъ, внѣшне-закругленныя, начиная съ „солярной", продолжая гнейстовской, опровергнутой имъ фактами, извлеченными изъ архивовъ. Врагъ доктринерства, pauvrement doctriné, сказалъ бы иначе Сенъ Симонъ, Ковалевскій не понималъ, какъ можно искать объясненія сложнаго соціальнаго процесса „въ единомъ факторѣ, увлекающимъ за собой всѣ остальные". Для него „это тоже, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе". Въ своихъ бесѣдахъ, вспоминаю, онъ подчеркивалъ важность фантазіи, безъ которой ученый мало способенъ къ научному творчеству. Между тѣмъ нельзя не видѣть въ пріобрѣтенномъ богатѣйшемъ запасѣ научно обработанныхъ фактовъ преимущественную базу почти всѣхъ его научныхъ продвиженій. Конечно, одно не мѣшаетъ другому. Но, говорили мы, ученые одарены въ различныхъ степеняхъ способностью синтеза. Напримѣръ, другъ дѣтства Ковалевскаго, Мечниковъ, работая надъ болѣе конкретными фактами, замкнулъ ихъ въ теорію ортобіоза. Ковалевскій специалистъ науки, едва начавшей свое освобожденіе отъ философіи, презрительно ведшей мимо естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія, не оставилъ послѣ себя такого синтеза. И могъ ли сдѣлать это, при такомъ ея состояніи,— вотъ вопросъ? Но развѣ не показательно, что онъ крѣпко желалъ этого. Онъ лелѣялъ мечту о завершающей „синтетической работѣ" (его выраженіе). „На со-

рокъ четвертомъ году вспомнимъ—его автобіографическое признаніе—пора подумать уже о томъ, чтобы оставить по себѣ нѣчто цѣльное, а не однѣ лишь разрозненныя попытки выставить новыя или оживить старыя гипотезы". Казалось, кто могъ бы лучше сдѣлать это, чѣмъ онъ—во всеоружіи своего положительнаго знанія? Всякая мечта, увы, есть мысль о томъ чего нѣтъ. Таковою она осталась и у Ковалевскаго. Ему не суждено было совершить желанной работы. Рѣшаемся сказать: не дано природой его ума.

Все же, оставленное имъ научное наслѣдство мало назвать „magnum opus". Научная цѣнность его изъ вѣка въ вѣкъ станетъ рости. Будущій синтетикъ соціальной науки найдетъ именно въ немъ плоды долголѣтнихъ наблюденій. Они выращены человѣкомъ культурнаго чекана, насквозь пропитаннымъ вѣрой въ силу науки.

Максимъ Ковалевскій—слава русскому имени—одно изъ крупнѣйшихъ соединительныхъ звеньевъ умственной и общественной культуры востока и запада Европы [1]).

Мартъ 1917 года,
Ольховатка.

[1]) Проф. Меллэ (Collége de France) называетъ Ковалевскаго великимъ соціологомъ, Сеньобосъ (проф. Сорбонны) великимъ европейцемъ, воспринимавшимъ всѣ благородныя идеи, работавшимъ для новаго расцвѣта Россіи и т. д.

Оглавленіе.

Того-же автора:

К. Н. Ярошъ. Двадцатипятилѣтніе итоги его научно-литературной дѣятельности. 1901 г.

Очеркъ характеристики развитія научно-философскихъ воззрѣній Б. Н. Чичерина. 1902 г.

Идея личности въ политико-философскихъ сочиненіяхъ Д. И. Каченовскаго. 1903 г.

Развитіе индивидуализма въ исторіи политическихъ ученій. Очеркъ введенія и главнѣйшая библіографія. 1904 г.

Индивидуалистическое направленіе въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида. Часть 1-я 1904 года.

Индивидуалистическое направленіе въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида. Часть 2-я. 1907 года.

Рѣчь передъ диспутомъ. (Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ „Харьковскаго Университета" за 1908 г.).

Къ ученію о существѣ права. Харьковъ 1909 г.

Исторія общихъ ученій о правѣ и государствѣ. 1909 г. Вып. II-й.

М. М. Сперанскій. [1809—1909). 1910 г.

Любовь и правда у Л. Н. Толстого 1911 г.

Позитивная наука и нѣкоторыя ея критики. 1911 г.

Введеніе въ общественно-юридическія науки. 1912. (Отдѣльные оттиски изъ XI т. народной энциклопедіи).

Исторія общихъ ученій о правѣ и государствѣ. Часть 2-я, Выпускъ I-й, 1912 г. Изд. 3-е.

Вліяніе среды на составителя свода законовъ въ ***первый*** *періодъ его жизни. (Къ 80-ти лѣтію вступленія въ силу свода законовъ). Москва 1915. (Отд. от. изъ „Юридическаго Вѣсника").*

Гимназическіе и студенческіе годы И. М. Мечникова. Петроградъ 1916 г. (Отд. от. изъ Вѣстника Европы).

Русскій методологъ теоріи права (Б. Л. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. 1916). Харьковъ. 1917.

Институтъ для соціальной организаціи. (Къ эволюціи высшей школы)—печатается.

86-17
Маг. 8 р.
9360/1-87

Цѣна 1 руб. 25 коп.

